

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

Ф

РЭЙ БРЭДБЕРИ

КАНУН ВСЕХ СВЯТЫХ

ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА
ПО ЛУЧШЕЙ
ЦЕНЕ

Annotation

Такого дерева вы не видели никогда в жизни. Оно достигает вершиной небес, и растут на нем тыквы всех форм, размеров и цветов. Возле этого дерева вы встречаете странного господина по имени мистер Смерч, и он увлекает вас в чудесное путешествие, из которого вы вернетесь совсем другим человеком – если вернетесь...

- [Рэй Брэдбери](#)
 -
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Рэй Брэдбери

Канун всех святых

© М. Ковалева, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

С любовью – мадам Манья Гарро-Домеаль, которую я встретил двадцать семь лет назад на кладбище в полночь на острове Жаницио, что на озере Пацкуаро, в Мексике, и которую я вспоминаю каждый год в День мертвых.

Тише-тише!.. Тихо, неслышно. Скользите, крадитесь.

А зачем? Почему? Чего ради? Как! Когда? Кто! Где началось, откуда все пошло?

– Так вы не знаете? А? – спрашивает Череп-Да-Кости Смерч, восставая из кучи сухой листвы под Праздничным деревом. – Значит, вы совсем ничего не знаете?

– Ну-у... – отвечает Том-Скелет, – это... не-а.

Было ли это в Древнем Египте, четыре тысячи лет назад, в годовщину великой гибели солнца?

Или – еще за миллион лет до того, у горящего в ночи костра пещерного человека?

Или – в Британии друидов, под ссссссвистящщщщие взмахи косы Самайна?

Или – в колдовской стае, мчась под средневековой Европой – рой за роем, ведьмы, колдуны, колдуньи, дьявольские отродья, нечистая сила?

Или – высоко в небе над спящим Парижем, где диковинные твари превращались в камень и оседали горгульями и химерами на соборе Парижской Богоматери?

Или – в Мексике, на светящихся тысячами свечей кладбищах, полных народу и крохотных сахарных человечков в El Dia Los Muertos – День мертвых?

А может, где-то еще?

Тысячи огненных тыквенных улыбок и вдвое больше тысяч только что прорезанных глаз – они горят, подмигивают, моргают, когда сам Смерч ведет за собой восьмерку охотников за сладостями – нет, вообще-то их девять, только куда девался Пифкин? – ведет их за собой то в вихре взметенной листвы, то в полете за воздушным змеем, выше в небо, на ведьмином помеле – чтобы выведать и поведать тайну Праздничного дерева, тайну Кануна всех святых.

И они ее узнают.

– Ну-с, – скажет Смерч в конце странствий, – что это было? Сласти или страсти-мордасти?

– Все вместе! – решили мальчишки.

Сами увидите.

1

Это был маленький городок на маленькой речке возле мелкого озера в дальнем уголке одного из штатов Среднего Запада. Не так уж много было кругом деревьев, чтобы городок совсем было не видеть. Зато и домов было не так уж много, чтобы за ними не было видно леса. В городке было полно деревьев. И вдоволь сухой травы и опавшей листвы – ведь на дворе уже стояла осень. И вдоволь заборов, по которым так здорово бегать, и дорожек, чтобы раскатываться по льду, а еще – громадный овраг, чтобы кубарем скатываться вниз или перекликаться с кем-то на то-о-ом берегу. И в городке было полным-полно...

Мальчишек.

И это было под вечер, накануне Дня всех святых.

В домах все двери крепко затворены от сквозняков.

И весь городок залит до краешка негреющим солнцем.

Но вдруг – дня как не бывало.

Откуда ни возьмись, выползли из-под каждого дерева ночные тени и все заполонили.

Во всех домах за запертыми дверьми поднялась кутерьма, беготня на носочках, мышинные шорохи, крики шепотом, замелькали летучие огоньки.

За одной такой дверью тринадцатилетний Том Скелтон остановился и прислушался.

Снаружи ветер гнезвился в каждом дереве, подкрадывался по всем

дорожкам сразу, незримый, как кошка-невидимка.

Тома Скелтона пробрала дрожь. Всякому ясно, что ветер нынче совсем особенный и темнота необыкновенная – потому что настает Канун всех святых. Кажется, что все вокруг вырезано из мягкого черного бархата или из золотого, из оранжевого бархата. Дымок поднимается из тысяч труб клубами – точь-в-точь, как плюмажи на упряжке в похоронной процессии. Из кухонных окон сочится двойной аромат, хорошо различимый: вот свежие тыквы, только что взрезанные, сочные, а вот пироги с тыквенной мякотью.

Крики за запертыми дверьми становились все отчаянней, а тени мальчишек метались за окнами. Еще не натянув до конца свои костюмы, размазывая по щекам жирную краску: вон там горбун, а вон – великан-недомерок. Все еще продолжался штурм и грабеж чердаков, замки сбивали, а древние бабушкины сундуки потрошили в поисках маскарадных нарядов.

Том Скелтон облачился в свой костяной доспех.

Он улыбался во весь рот, прилаживая позвоночник, грудную клетку, коленные чашечки – белые, нашитые на черный бархат.

«Вот повезло-то! – подумал он. – Удачное имя тебе досталось! Том Скелтон! Прямо к празднику! Тебя ведь все дразнят Скелетом! Значит, что тебе лучше всего надеть?»

Костюм Скелета!

Бам! Восемь входных дверей с грохотом захлопнулись.

Восемь мальчишек разом великолепными прыжками преодолели цветочные бордюры, перила, живые изгороди, кусты – и приземлились каждый на своем накрахмаленном морозцем газоне. На всем скаку, на бегу они заворачивались в простыню или поправляли наспех нацепленную маску, натягивали диговинные, как шляпки невиданных грибов, шляпы или парики, орали во все горло вместе с ветром, толкавшим в спину, так что они неслись еще быстрее, во всю прыть, – какой славный ветер, ах ты! – выругав страшным мальчишечьим проклятием маску за то, что она съехала, или зацепилась за ухо, или закрыла нос, сразу заполнившись запахом марли и клея, горячим, как собачье дыхание. А может, просто дать волю бьющему через край восторгу – просто быть живым, бежать куда-то в этот вечер, набирая полную грудь воздуха и во все горло вопя, вопя... вопя-а-а-а!

Все восемь мальчишек столкнулись на одном перекрестке.

– А вот и я: Ведьма!

– Обезьяночеловек!

– Скелет! – сказал Том, едва не выпрыгивая от радости из своих костей.

- Горгулья!
- Нищий!
- Сам мистер Смерть!^[1]

Блям! Они столкнулись и отлетели как мячики, никак не могли сразу распутаться, разобраться в веселой неразберихе рук и ног, под уличным фонарем. Фонарь на перекрестке раскачивался под ветром, гудя, как соборный колокол. Плиты уличного тротуара превратились в доски пьяного корабля, уходящего из-под ног, то поглощаемые тьмой, то вынырывающие на свет.

Каждая маска скрывала мальчишку.

- Ты кто? – ткнул пальцем Том Скелтон.
 - Не скажу! Тайна! – крикнула Ведьма петушиным голосом.
- Все покатались со смеху.

– А это кто?

– Мумия! – крикнул мальчишка, запеленутый в пожелтевшие от старости тряпки и похожий на сигару, ковыляющую на одном кончике по ночной улице.

– А ты?

– Да некогда же! – завопил Некто, Скрытый за Таинственным Облачением из Расписанной Марли. – Сласти или страсти-мордасти!

– Урра-а!

С воем, визгом, воплями они неслись, как счастливые бесенята, куда угодно, только не по дорожкам, перелетая через кусты и приземляясь почти на спину перепуганным собакам, которые улепетывали с визгом.

Но вдруг они словно натолкнулись на что-то среди всего этого визга, хохота, лая, на полном скаку – словно гигантская ладонь ночи и ветра – предчувствия беды – накрыла их и остановила.

- Шесть, семь, восемь...
- Не может быть! Считай снова!
- Четыре, пять, шесть...
- Нас должно быть девять! Кого-то нет!

Они принялись друг к другу, как перепуганные зверята.

– Где Пифкин?

Как они догадались? Ведь все они скрывались за масками. И все же... и все же.

Они почуяли, что его с ними нет.

– Пифкин! Да он же тыщу лет не пропускал Канун! Вот ужас-то! Бежим!

Круто развернувшись, они побежали собачьей побейкой, рысцой,

вдоль по мощенной камнем улице, словно листья, гонимые ураганом.

– Вот его дом!

Они встали как вкопанные. Дом-то и вправду Пифкина, только вот не хватает в окнах тыквенных голов, на крыльце – кукурузных снопов, маловато призраков, глазеющих сквозь темные стекла в самой высокой мансарде.

– Ой, – сказал кто-то, – а вдруг Пифкин заболел?

– Без Пифкина праздник – не праздник!

– Не праздник! – простонали все.

Тут кто-то бросил дикое яблочко в дверь дома. Оно тюкнуло еле слышно – будто кролик лягнул дверь лапкой.

Они стояли и ждали, невесть от чего погрузневшие, как в воду опущенные. Все их мысли были о Пифкине и о празднике, который может превратиться в гнилую тыкву с погасшей свечкой внутри, если только... если Пифкин не выйдет.

Где же ты, Пифкин? Выходи! Спасай наш праздник!

2

Почему они ждали, с какой стати их так перепугало отсутствие какого-то маленького мальчишки?

А потому что...

Джо Пифкин был самый замечательный мальчишка на всем свете. Самый мировой парень из всех, кто хоть раз сверзился с дерева или чуть не лопнул со смеху. Самый лучший друг из всех, кто мчался по беговой дорожке, оставляя всех бегущих на милю позади, а потом, оглянувшись, вдруг спотыкался и шлепался на землю, поджидая, пока они с ним поравняются, и вместе, голова в голову, рвал грудью финишную ленточку. Самый славный выдумщик из всех: уж он всегда разведает все дома с привидениями в городе – а их ох как трудно вынюхать! – и всегда позовет ребят пошарить по подвалам, всласть полазать по обвитым плющом кирпичным стенам, покричать в жерла труб и пустить тугие струйки прямо с крыши – накричишься, навопишься, напляшешься, как обезьяна, до упаду... В тот день, когда Джо Пифкин появился на свет, все бутылки с пепси-колой и шипучим лимонадом во всем мире вышибли пробки и салютовали пенным залпом, а спятившие от радости пчелы роями носились по полям и лесам и вовсю жалили почтенных старых дев. На каждый его день рождения озеро в разгаре лета уходило от берегов и набегало

обратной волной, полной мальчишек, которая взмывала вверх, подбрасывая ребятню, и расшибалась в визге и хохоте.

На рассвете, бывало, лежа в постели, слышишь, как птица стучится в окно. Пифкин.

Высовываешься из окна глотнуть прозрачного, как с горного ледника, рассветного воздуха летнего утра.

На газоне, посеребренном росой, кружево кроличьих следов даст тебе знать, что всего мгновение назад не десяток кроликов, а один-единственный кролик выплясывал здесь и выделявал коленца, выписывал кренделя и закладывал виражи от простой, немыслимой радости жить, в восторге скакал через изгороди, сшибал перья папоротника, топал по клеверу. Сеть следов напоминала переплетение рельсов на сортировочной станции. Миллион путей и дорожек в траве, но никого не видеть. Где...

Пифкин?

Да вот же он, выглядывает, как дикий подсолнух в саду. Его славное круглое лицо светится, встречая солнце. А глаза сверкают, сигнали, как зеркала по азбуке Морзе:

– Торопись! Вот-вот все кончится!

– Что?

– Этот день! Сия минута! Уже шесть утра! Ныряй сюда! Окунись с головой!

Или:

– Да лето же! Не успеешь оглянуться – бах! – и ушло! Давай быстрее!

И он окунался обратно в подсолнухи, чтобы вынырнуть уже в луковицах, сплошняком.

Пифкин, милый ты наш Пифкин, самый настоящий, самый лучший из всех мальчишек.

Прямо непостижимо было, как он ухитрялся так быстро бегать. Его старые кроссовки едва держались. Когда-то белые, они набрались зелени в лесах, которые пришлось пробежать, побурели от прошлогодних осенних пробегов по сжатым полям в сентябре, а смоляные пестринки и разводы усеяли их после рейдов по причалам и пристаням, где разгружались баржи с углем, желтыми пятнами их украсили беззаботные собаки, и еще были они утыканы щепками и занозами от множества заборов и плетней. Одежда у него была под стать вороньему пугалу, ведь ее по ночам таскали друзья Пифкина – собаки, он им давал поносить, пофорсить – ясно, что все обшлага были изжеваны, а брюки в пыли и протерты на коленках.

А волосы? У него на голове шапкой стояли, щетинясь, как иглы у ежика, топорщась во все стороны, пестрые – каштаново-золотистые –

вихры. Уши – чистый персиковый пушок. А руки – на них были словно перчатки из пыли и славного запаха псины, мятных леденцов и ворованных где-то за тридевять земель персиков.

Пифкин. Сгусток скоростей, запахов, фактур, таких разных на ощупь; копия и прообраз всех мальчишек, которые когда-либо мчались во всю прыть, падали, вскакивали и неслись дальше.

За все годы никто и никогда не видел его сидящим на месте. Невозможно было вспомнить, чтобы он просидел в школе, на своем месте, хотя бы час. Он последним прибежал в школу и первым вылетал из дверей, как ракета, под звон последнего звонка.

Пифкин, славный малый Пифкин.

Он умел издавать такие залиvistые вопли, наяривал на губной гармошке и ненавидел девчонок больше, чем все ребята в его уличной команде, вместе взятые.

Это Пифкин, обняв тебя за плечи, нашептывал тебе в ухо про великие дела, ждущие вас в этот день, был твоей опорой и защитой от всего мира.

Пифкин...

Сам Бог старался встать пораньше, только бы увидеть, как Пифкин выскакивает из своего дома, будто апостол на башенных часах. А уж погода всегда стояла отличная везде, где был Пифкин.

Пифкин.

Они толпились перед его домом.

Вот-вот дверь одним махом распахнется.

Пифкин вылетит пулей в россыпи искр и клубах дыма.

И тогда праздник начнется взап-равду!

«Выходи, Джо, эй, Пифкин, – шептали они. – Давай выходи!»

Дверь дома отворилась.

Пифкин вышел на крыльцо.

Не вылетел. Не выскочил. Не вырвался, как из пушки. Вышел.

И пошел по дорожке навстречу друзьям.

Шагом. И без всякой маски! Без маски!

Он шел медленно, будто старик какой-то.

– Пифкин! – заорали они хором, стараясь спугнуть свой испуг.

– Привет, ребята, – сказал Пифкин.

Он был совсем бледный. Пытался улыбнуться, но глаза у него были

какие-то странные. Одну руку он прижимал к правому боку, как будто у него там нарывает.

Они все уставились на его руку. Тогда он отнял руку от правого бока.

– Ну что, – сказал он каким-то тусклым голосом. – Готовы в поход?

– Мы-то готовы, а вот ты как? – сказал Том. – Заболел?

– Под праздник? – сказал Пифкин. – Шутишь?

– А где твой костюм?

– Вы идите, я вас догоню.

– Нет, Пифкин, мы лучше подождем, пока ты...

– Ступайте, – еле вымолвил Пифкин, бледный как смерть. Руку он снова прижал к боку.

– У тебя что, живот болит? – спросил Том. – А твои знают?

– Нет-нет, не могу я им сказать! Они... – Слезы брызнули из глаз Пифкина. – Да это пустяки, я же говорю! Идите напрямиком к оврагу. К тому дому, ладно? К Дому с привидениями, поняли? Я там буду.

– Клянешься?

– Клянусь. Погодите, увидите, какой у меня костюм!

Мальчишки стали отходить. Уходя, каждый или трогал его за локоть, или легонько стучал в грудь, или нежно касался сжатым кулаком его подбородка, будто бы в драке понарошку.

– Ладно, Пифкин. Раз уж ты обещаешь...

– Обещаю, точно. – Он перестал держаться за бок. Лицо его залилось румянцем, как будто боль отпустила. – А ну, на старт! Внимание! Марш!

Когда Джо Пифкин крикнул «Марш!», они сорвались с места.

Они побежали.

Полквартала они пробежали задом наперед, не сводя глаз с Пифкина, который стоял и махал им рукой.

– Догоняй, Пифкин!

– Догоню-ю! – крикнул он им вслед из дальнего далека. И ночь поглотила его.

Они бежали вперед. А когда снова оглянулись, Пифкина было совсем не видно.

Они хлопали дверьми, кричали: «Сласти или страсти-мордасти!» – и их мешочки из коричневой бумаги уже начали наполняться несусветными вкусностями. Они бежали вприпрыжку, а зубы у них увязали в розовой жевательной резинке. Губы у них ярко горели, красные как кровь.

Да вот только все, кто открывал им дверь, были как две капли воды

похожи на их собственных родителей – как леденцы, сыпавшиеся с конвейера на конфетной фабрике. Словно ты и вовсе из дому не выходил. Каждое окно, каждая дверь заливали их добротой, как сиропом. А им хотелось услышать рев драконов в подземелье и скрежет подъемных мостов в замках.

Таким образом они, оглядываясь – не идет ли Пифкин? – дошли до самых окраин города, где цивилизация уступала место темноте.

Овраг.

Овраг, в глубине которого таились неисчислимы́е ночные шорохи, змеились ручьи и речонки чернее чернил, копились сокровища каждой осени, что прокатилась вся в золоте и багрянце – за целую тысячу лет... Эта глубокая трещина в земле порождала мухоморы и поганки, и холодных, как галька, лягушек, и мокриц, и пауков. Там, в черной яме, начинался длинный подземный ход, где сочились отравленные воды, а эхо бесконечно перекликалось, звало: «К нам – к нам – к наммм», – а уж если ты замешкался, то навеки останешься здесь, навсегда, в шорохе, перестуке, перебежках, перешептываниях, и не вырвешься никогда, ни-ко-гда...

Мальчишки столпились на краю бездны, заглядывая вниз.

Как вдруг Том Скелтон, продрогший до костей в своем скелетном костюме, со свистом втянул воздух сквозь зубы – так свистит сквозняк, ночью, за ширмой в спальне. Он вытянул руку, показывая:

– Эй, вот куда Пифкин велел нам бежать!

И он исчез.

Все смотрели вслед. Они видели, как маленькая фигурка побежала по тропке и нырнула в сто миллионов тонн ночной тьмы, сгустившейся в этой бездонной пропасти, в этом сыром погребе, в чудесной, жуткой глубине оврага.

Они бросились следом, крича во все горло.

Обрыв, где они только что стояли, обезлюдел.

А город остался позади, наслаждаться собственной сладенькой жизнью.

Они мчались вниз на дно оврага быстрой стайкой, с хохотом, толкотней, словно сплошь состояли из локтей и коленок, фыркая и задыхаясь от смеха, и затормозили, налетев друг на друга, когда Том Скелтон встал как вкопанный и показал куда-то вверх, за крутой тропкой.

– Вон там, – прошептал он. – Там стоит единственный дом, который надо навестить в Канун всех святых! Вон!

– Ага! – сказали все.

Потому что он сказал правду. Дом был необыкновенный, старинный, высокий и темный. В нем было, наверное, не меньше тысячи окон, и в каждом мерцали холодные звезды. Казалось, что дом высечен из черного мрамора, а не сложен из бревен, а уж внутри... кто угадает, сколько там комнат и залов, коридоров, чердаков? Чердаки высокие и пониже, на разных уровнях, и с разными потолками – в некоторых накопилось больше пыли, паутины и иссохшей листвы – а может, и золота, насыпанного в тайник, так высоко взмостившийся в небо, что в целом городе не найдешь приставной лестницы, чтобы дотуда достала.

Дом манил своими башенками, приглашал плотно закрытыми дверьми. Конечно, пиратские корабли – это здорово. Старинные крепости – просто блаженство. Но дом – Дом с привидениями, да еще в Канун всех святых! Восемь мальчишеских сердец колотились от восторга и восхищения.

– Пошли!

Но они уже бросились наперегонки по тропке. Вот они уже стоят перед полуразвалившейся стеной, глядя вверх – выше – еще выше, – где старый высокий дом венчает крыша, похожая на кладбище. Ни дать ни взять – кладбище. Острый гребень крыши, как хребет горы, топорщился какими-то черными костями или железными прутьями, а трубы, как надгробия, громоздились рядами – трубы, готовыедохнуть дымом из трех дюжин каминов, одетых сажей и таящихся далеко внизу, в загадочном чреве этого драконского дома. Утыканная множеством труб, крыша походила на обширный погост, и каждая труба отмечала место погребения какого-нибудь древнего божества огня или заклинательницы танцующего дыма и пара, властительницы огненных светлячков-искр. Да вот, прямо у них на глазах из четырех дюжин дымоходов вылетело по облачку сажи, и от этого вздоха небо стало еще чернее, а некоторые звезды исчезли из виду.

– Здорово! – сказал Том Скедтон. – Пифкин знал, о чем говорил!

– Здорово! – согласились все.

Они подкрадывались все ближе по дорожке, заросшей бурьяном, к покосившемуся крыльцу.

Том Скедтон, опередив всех, тихонько нащупал тощей скелетной ногой первую ступеньку. У всех прямо дух захватило от такой смелости. Но вот уже плотная кучка ребят, словно одно разгоряченное существо, вскарабкалась на крыльцо, и под ногами скрипуче застонали доски, и всех пробрала дрожь. Каждый в отдельности готов был повернуться и дать

стрекача, но повсюду натыкался на другого – и сзади, и спереди, и по бокам. В потной тесноте эта многоножка двигалась, выпуская, как амеба, то одну, то другую ложноножку наугад, качаясь, пускаясь бегом, пока не остановилась прямо перед входной дверью, высокой, как гроб, только в два раза тоньше.

Они простояли там нескончаемое мгновение; время от времени из общей массы, похожей на громадного паука, высывалась рука, как лапка, пытаясь дотянуться до дверного молотка на этой двери. А тем временем доски деревянного крыльца уходили из-под ног, колыхались под их общей тяжестью, грозя при малейшем нарушении равновесия ухнуть вниз, унося их в бездну, кишачую тараканами. Доски, каждая на своей ноте – до! – ми! – соль! – тянули свою жуткую песенку под грубыми ботинками, стоило только двинуть ногой. Хватило бы времени и будь это среди дня, уж мальчишки отчебучили бы похоронный марш или скелетную чечетку – кто в силах устоять перед разваленным крыльцом, которое только и ждет, как великанский ксилофон, чтобы по нему хорошенько попрыгали?

Но это им и в голову не пришло.

Генри Хэнк Смит (это был он), кутаясь в черные одеяния Ведьмы, закричал:

– Глядите!

И все воззрились на дверной молоток. Том протянул дрожащую руку, не решаясь притронуться к нему.

– Молоток-Марлей!

– Что-что?

– Да помните, Скрудж и Марлей в «Рождественских повестях»^[2], – прошептал Том.

И вправду: голова на дверном молотке оказалась лицом человека, у которого жутко болят зубы, с подвязанной челюстью, встрепанной шевелюрой, оскаленными зубами и одичалым от боли взглядом. Да, это был Марлей, мертвый, как дверной гвоздь, приятель Скруджа, жилец загробных пределов, осужденный вечно скитаться по земле до тех пор, пока...

– Стучи, – сказал Генри Хэнк.

Том Скелтон взялся за холодную ужасную челюсть старины Марлея, поднял, отпустил. Все вздрогнули от удара!

Весь дом заходил ходуном. Его кости затрещали, застучали друг о друга. Портьеры разверзли зловещие зеницы, так что подслеповатые окна широко раскрыли свои злые глаза.

Том Скелтон, как кошка, перепрыгнул через перила крыльца и

посмотрел вверх. На гребне крыши завертелись диковинные флюгера. Двуглавые петухи поворачивались под каждым чихом ветерка. Из двойного водостока, пасти горгульи на западном углу крыши, вылетели одно за другим облака пыли. И долго после того, как чиханье и кряхтенье затихли, а петухи перестали вертеться, по змеящимся водосточным трубам вдоль всего дома шуршали остатки осенних листьев и пыль с паутиной, пока не высыпались на темную траву.

Том быстро повернулся, посмотрел на дрожащие мелкой дрожью оконные стекла. Лунные блики трепетали в стеклах, как стайки напуганных серебристых мальков. Входная дверь дрогнула, ручка сама собой повернулась. Марлей-молоток скорчил рожу, и дверь распахнулась.

Оттуда дунул такой ветер, что чуть не снес мальчишек с крыльца. Они заорали, вцепились друг в друга.

А потом тьма, затаившаяся в доме, втянула воздух одним вдохом. Ветер понесся вспять в зияющую пасть дверного проема. Он стал засасывать мальчишек, втягивать их, волоча по крыльцу. Им пришлось откинуться назад, чтобы черное, бездонное чрево не проглотило их. Они барахтались, кричали, цеплялись за перила. Но вдруг ветер стих.

В глубине тьмы двигалось что-то темное.

В самом нутре дома, далеко-далеко, кто-то двинулся к двери. Кто бы он ни был, одет он был во все черное – виднелось только расплывчатое бледное лицо, словно плывущее по воздуху.

Недобрая улыбка приблизилась и повисла в воздухе перед ними.

Позади улыбки едва виднелся силуэт высокого человека. Теперь они видели его глаза – зеленые огоньки, как точки в узких обугленных ямках глазниц, глядящие на них в упор.

– Это... – сказал Том. – Э-э... Сласти или страсти?

– Страсти? – ответила из темноты улыбка. – Сласти?

– Да, сэр.

Ветер сыграл где-то в трубе музыкальную фразу, словно на флейте, старую песню о времени, о темноте, о далеких далях. Высокий человек защелкнул свою улыбку, как перочинный ножик, блеснувший лезвием.

– Никаких сластей, – сказал он. – Только страсти-мордасти!

И дверь ка-ак хлопнет!

По всему дому прокатился гром, обрушивая лавины пыли.

И снова прах и пыль вырвались из водосточных труб, как спугнутые пушистые кошки.

Открытые окна дохнули пылью. Пыль пыхнула из-под ног у ребят сквозь щели в досках.

Мальчишки смотрели на запертую, крепко захлопнутую входную дверь. Марлей-молоток уже не кривился от боли, а злорадно ухмылялся.

– То есть как это? – спросил Том. – Не сласти, а только страсти-мордасти?

Они отступали за угол дома, с удивлением прислушиваясь к звукам, которые издавал этот дом. Он наполнился несвязным шепотом, писком, скрипом, стонами и ропотом, а ночной ветер старательно доносил до слуха мальчишек каждый шорох. Стоило им ступить шаг, как древний дом клонился над ними, еле слышно постанывая.

Они обогнули дальний угол дома и остановились.

Потому что увидели Дерево.

Ничего подобного они не видывали за всю свою жизнь.

Оно высилось посередине широкого двора перед страшным и чудесным домом. Это Дерево достигало в высоту футов сто, не меньше, оно раскинуло выше гребня крыши свою круглую, широкую, многоветвистую крону, сплошь одетую в богатейший наряд из багряных, бурых, желтых осенних листьев.

– Ой, – еле слышно сказал Том. – Смотрите! Там, наверху!..

Потому что Дерево было увешано множеством тыкв, любого размера и формы, всех цветов и оттенков, от тускло-золотистого до ярко-оранжевого.

– Тыквенное дерево, – сказал кто-то.

– Да нет, – сказал Том.

Ветер пролетел среди высоких ветвей и легонько качнул яркие украшения.

– Праздничное дерево, – сказал Том. – Дерево всех святых.

Он нашел верное слово.

Тыквы на Дереве были не простые. На каждой было вырезано лицо. И ни одно лицо не было похоже на другое. Один глаз был диковиннее другого. Один нос – странноватее другого. И каждый рот кривился собственной, особенной жутковатой улыбкой.

Пожалуй, на этом Дереве было развешано тысяча тыкв, на самой высоте, на каждой веточке. Тысяча улыбок. Тысяча гримас. И дважды по тысяче свежесрезанных глаз глазели, моргали, косились оттуда.

Мальчишки глазели тоже, и у них на глазах произошло чудо.

Тыквенные рожицы стали оживать.

Начиная с нижних ветвей Дерева и самых близко висящих тыкв в их сырой кожуре стали одна за другой вспыхивать свечки. Вон там – и там – и тут – и еще – все дальше, все выше, обегая всю крону: три тыквы тут – семь тыкв повыше – дюжина, кучкой – на той стороне, сотня – пять сотен – тысяча тыкв затеплили свои свечки, иными словами – осветили свои рожицы, огонь засверкал в их квадратных, круглых или диковато раскосых глазах. Огонь заструился из их зубастых ртов. Из вырезанных в спелой мякоти ушей полетели снопы искр.

И откуда-то донеслись два голоса – а может, три или четыре, они шептали, напевали что-то вроде детской песенки или колыбельной, убаюкивая небо, и время, и землю, усыпляя все вокруг. Жерла водосточных труб выдыхали тончайшую паутинную пыль:

Вот такой высоты, вот такой широты...

Голосок вылетал дымом из высокой трубы:

Вот такой широты, вот такой красоты...
На Канун всех святых...

Откуда-то из открытых окон летели паутинки:

До небес и до звезд поднялось во весь рост...
Нет, не видывал ты Древоцудищ таких,
Как в Канун всех святых!

Свечи мерцали, огоньки трепетали и ярко вспыхивали. Ветер тихим дуновением, влетая в тыквенные рты и вылетая обратно, выпевал протяжную песню:

Прошел и умер старый год, но озаряет
небосвод
Костром из листьев золотых
Оно во славу всех святых!
Неси осенний урожай, созвездья
свечек зажигай!

Том вдруг почувствовал, как губы у него засуетились, словно мышки, нетерпеливо норовя подхватить песенку:

Свечи сверкают, а звезды горят,
Опавшие листья летят и шуршат,
Улыбаются тысячи тыков с высоты,
На Канун всех святых!
Вот Ведьма смеется,
Ухмыляется Кот,
Там оскалился Зверь,
Хохоча во весь рот,
И с улыбкою Жнец свою плату
берет...
Здравствуй, День всех святых –
Новый год,
Новый год!

Тому казалось, что изо рта у него змеится дымок:

– День всех святых...

И все мальчишки шепотом вторили:

– Всех святых...

Потом наступила тишина.

И в этой тишине засветились последние свечи на Праздничном дереве – по три, по четыре за раз, образуя гигантское звездное скопление, вплетенное в космы черных веток и сучьев, проглядывающее украдкой сквозь ветви и чеканные сухие листья.

Теперь все Дерево стало единой необъятной многомерной Улыбкой.

Горели все тыквы, все до одной. Вокруг Древа распространилось теплое дыхание позднего лета. Ребят обволакивал дымок с привкусом копоты и свежий запах тыквенной плоти.

– Ух ты, – сказал Том Скелтон.

– Видали местечко, а? – спросил Генри Хэнк, Ведьма. – Мало этого дома и типа с разговорами про «страсти-мордасти», тут еще и... Я такого дерева в жизни не видел. Вроде новогодней елки, только куда больше, а тыкв и свечек – видимо-невидимо! Что бы это значило? Что за празднество?

«Празднество!» – донесся откуда-то мощный шепот – то ли из луженных сажей глоток дымовых труб, то ли все окна в доме разом

разинулись у них за спиной – вверх-вниз, вверх-вниз, выдыхая вместе с темнотой слово «Празднество!».

– Да-сс... – прошелестел великанский шепот, от которого заметались огоньки в тыквах, – празднесство...

Мальчишки так и взвились в воздух, оборачиваясь лицом к дому.

Но дом хранил безмолвие. Окна были закрыты наглухо и до краев налиты лунным светом.

– Кто отстанет – теткой станет! – вдруг завопил Том. Их ждали золотые копны осенней листвы, как тлеющие уголья, как странный клад, несметные богатства.

И мальчишки бросились со всех ног к этой громадной, чудесной куче листвы – сокровищнице осени.

Но в тот момент, когда они уже готовы были нырнуть с головой в шуршащие, роящиеся листья, толкаясь, вопя, крича, сбивая друг друга с ног, вдруг прозвучал какой-то исполинский вдох, словно кто-то огромный заглотнул массу воздуха. Мальчишки взвизгнули, рванулись назад, как будто под ударом невидимого бича.

Потому что над кучей листвы поднималась белая костяная рука, сама по себе.

А за ней, улыбаясь во все зубы, вынырнул до того невидимый белый череп.

И эта манящая, волшебная перина из листьев дуба, тополя и вяза, в которой они так мечтали повозиться, покататься, утонуть с головой, теперь стала для мальчишек страшнее всего на свете. Белая костяная рука парила в воздухе. А белый череп все поднимался и поднимался, качаясь перед ними.

И ребята отшатнулись, налетая друг на друга, забывая дышать, всхлипывая от ужаса, пока не свалились в барахтающуюся кучу-малу, отчаянно стараясь вырваться, цепляясь за траву, норовя удрать.

– Спасите! – кричали они.

– Как же, спасите, – сказал Череп. Раскаты дикого хохота пригвоздили их к месту, а рука, висящая в воздухе – костлявая рука скелета, – протянулась вверх, сграбастала белый оскал черепа и содрала его, как кожуру с апельсина!

Мальчишки только сморгнули за глазницами своих масок. У них и челюсти отвалились, только этого никто не видел.

Из вороха листвы вздымался, как воздушный шар, высоченный человек в черном плаще, он рос и рос все выше. Он рос как дерево. Он выбросил сучья – руки. Он стоял на огненном фоне самого Праздничного дерева, так что его распростертые руки, длинные белые костяные пальцы

были словно увешаны гирляндами оранжевых огненных шаров, гроздьями пламенных улыбок. Глаза он зажмурил, заходясь от громоподобного хохота. Из широко разверстого рта вырывался осенний вихрь.

– Никаких сластей, ребятки, нет, никаких сластей! Страсти, ребятки, страсти! Страсти-мордасти!

Они лежали ни живы ни мертвы, ожидая землетрясения. И оно разразилось. Громовой смех великана расшатал и потряс землю. И эта дрожь, пробрав их до самых костей, словно вышибла из них дух. И вырвалась – взрывами смеха!

Мальчишки сидели среди разворошенной кучи листьев вне себя от удивления. Они даже пощупали руками свои маски, ощутили, как теплый воздух толчками вылетает изо рта – они заразились хохотом!

Они подняли глаза на человека в черном, словно стараясь оправдать свое удивление.

– Ну да, ребятки, вот они, вот они, страсти-то! Вы что, позабыли? Да нет, вы ничего и не знали!

И он прислонился к Дереву, все еще покатываясь со смеху, да так, что весь ствол затрясся, вся тысяча тыкв заплясала, а огоньки внутри них запрыгали, обрамляясь дымом.

Отогревшись собственным смехом, мальчишки стали вставать, ощупывая себя – все ли кости целы. Все были целы. Они сгруппировались маленькой стайкой под Праздничным деревом в ожидании – потому что поняли, что это всего лишь начало новых, поразительных и чудесных событий.

– Ну и что? – сказал Том Скелтон.

– Что, Том? – сказал человек.

– Том? – загалдели все. – Так это ты?

Том, одетый Скелетом, окаменел.

– Ну, может, Боб или Фред, да нет, это, должно быть, Ральф, – поспешно вмешался незнакомец.

– Все вместе! – выдохнул Том с явным облегчением, покрепче прилаживая маску.

– Ага, все вместе! – откликнулись все хором.

Человек кивнул, улыбаясь:

– Ну ладно! Теперь вы узнали про Канун всех святых что-то, чего не знали раньше. А как вам понравились мои страсти-мордасти?

– Страсти, да, страсти!

Мальчишки загорелись восторгом. Он словно высушил в их суставах нежные хрящики добродетели и подсыпал щепотку праха, греха и соблазна

в их кровь. Они чуяли, как от этой радости, куролесящей внутри, загорелись их глаза, а губы растянулись в улыбке, как у веселых щенят.

– Ну да, точно!

– А вы всегда это устраивали на Канун всех святых? – спросил мальчишка-Ведьма.

– И это, и еще много чего. Однако не пора ли мне представиться? Мое имя – Смерч. Череп-Да-Кости Смерч. Ну, как звучит, ребятки? Звучное имя, не правда ли?

Еще какое звучное, подумали мальчишки, еще как звучит, ого!

Смерч!

– Благородное имя, красивое имя, – сказал мистер Смерч, придавая голосу гулкий, загробный тон погребального колокола. – И прекрасная ночь. И вся темная, таинственная, бурная и древняя история Кануна всех святых изготавилась проглотить нас живьем!

– Проглотить?

– Да! – воскликнул Смерч. – Ребята, посмотрите-ка на себя. Вот ты, паренек, почему ты нацепил маску Череп? А ты, мальчик, тащишь с собой косу, а ты вырядился Ведьмой? А ты, и ты, и ты! – Он тыкал костлявым пальцем в каждого ряженого. – Что, не знаете? Просто напялили эти маски, натянули старые, пропахшие нафталином костюмы и пошли куролесить, но по правде-то вы ничего не знаете, так?

– Ну... – протянул Том, робкий, как мышка, за белой маской черепа. – Вообще-то... не знаем.

– Да-а... – сказал мальчишка-Чертеноч. – Если подумаешь – чего это я так вырядился?

И он пощупал свой красный плащик, дотронулся до острых резиновых рожек, провел пальцами по отличным вилам.

– А я – вот так, – сказал Призрак, размахивая своим белым просторным похоронным саваном.

И все мальчишки, пораженные и удивленные, трогали свои костюмы и получше прилаживали маски.

– Вот было бы здорово узнать, что к чему, а? – спросил мистер Смерч. – Я вам расскажу! Нет, лучше покажу! Хватило бы времени...

– Да сейчас только полседьмого. Канун всех святых даже и не начинался! – сказал Том-в-своих-продувных-косточках.

– Верно! – сказал мистер Смерч. – Ладно, ребятки, за мной!

Он зашагал прочь. Им пришлось бежать за ним.

На краю глубокого, темного, ночного оврага он показал вдаль, за горизонт, за оком холмов и земли, куда не достигал свет луны, где царил

лишь тусклый свет незнакомых звезд. Ветер раздувал его черный плащ, капюшон, покрывавший голову, отодвинулся, и стало видно белое лицо, почти лишенное плоти.

– Вон там, видите, ребятки?

– Что?

– Неведомая Страна. Там, за горизонтом. Глядите хорошенько, глядите долго, глядите досыта. Устройте себе пир. Там Прошное, мальчики, Прошное. О да, оно полно страшных тайн и темных ужасов. Все, что породило Канун всех святых, схоронено там. Хотите раскопать старые кости, ребятки? Не сдрейфите?

Он обратился к ним горящий взгляд:

– Что такое – Канун всех святых? С чего все пошло? Где началось? Зачем? Чего ради? Ведьмы, кошки, мумии, прах, привидения. Все это там – в той стране, откуда никто не возвращается. Рискнете нырнуть в этот океан тьмы, ребята? Хотите взлететь в черное небо?

Мальчишки проглотили комок, застрявший в горле.

Кто-то пискнул:

– Мы бы рады, да вот Пифкин... Мы обещали ждать Пифкина.

– Ну да, Пифкин нас сюда послал. Мы без него – никуда.

И словно в ответ на их слова на том берегу пропасти раздался слабый крик.

– Эй! Я здесь! – отозвался тонкий голосок.

Они увидели крохотную фигурку с зажженной тыквой в руке, стоящую на дальнем краю оврага.

– Сюда! – закричали все в один голос. – Пифкин! Давай сюда!

– Бегу-у! – донеслось до них. – Расклеился я что-то. Но раз обещал, надо идти. Ждите!

Они видели, как он, маленький, бежит вниз по тропинке на склоне оврага.

– Подождите, пожалуйста, подождите... – Голос срывался, дрожал. – Мне совсем плохо... Бежать не могу... Не могу...

– Пифкин! – кричали все, махая ему сверху, с обрыва.

Его фигурка казалась такой маленькой, крохотной, жалкой. Повсюду клубились тени. Метались летучие мыши. Ухали совы. Вороны, чернее ночи, облепляли деревья, как черная листва.

Маленький мальчишка бежал со всех ног с горящей тыквой и вдруг – упал.

– Ох, –дохнул Смерч.

Свечка, горевшая в тыкве, погасла.

– Ох! – простонали все.

– Зажигай свою тыкву, Пиф, зажигай скорей! – крикнул Том.

Ему казалось, что он видит маленькую фигурку, шарящую в черной траве, в непроглядной тьме, старающуюся чиркнуть спичкой. Но в этот короткий миг тьмы ночь вступила в свои права. Над пропастью простерлось необъятное крыло. Хором заухали, захохотали совы. Сотни мышей забегали, юрко шурша среди теней. Где-то случился миллион лилипутских убийств.

– Зажигай тыкву, Пиф!

– Помогите!.. – простонал жалобный голосок.

Тысяча крыльев рванулись в полет. Где-то в небе громадная тварь била крыльями по воздуху, как гулкий барабан.

Облака, как полупрозрачные задники в театре, раздвинулись, открывая небо. Там висела луна, великанский круглый глаз.

Он уставился вниз, на...

На пустую тропинку.

Пифкина нигде не было.

Далеко-далеко, на горизонте, что-то мелькнуло темным лоскутком, заметалось, унеслось прочь с холодным ветром.

– Помогите! По-мо-ги-те... – Голосок заглох.

И все пропало.

– Ох ты, –загробным голосом сказал Смерч. – Плохо дело. Боюсь, что Нечто унесло его с собой.

– Куда, куда? – бормотали мальчишки, у них от холода зуб на зуб не попадал.

– В Неведомую Страну. В то Царство, которое я хотел вам показать... Да только теперь...

– Вы что, хотите сказать, что Это, Оно – или Он – там, в овраге, что это Нечто было – Смерть? Оно схватило Пифкина – и смылось?

– Скорее похитило, я бы сказал, взяло в заложники, может, чтобы получить выкуп, – ответил Смерч.

– А разве Смерть так... делает?

– Случается и так.

– Вот беда... – Том почувствовал, как на глаза навернулись слезы. – Пиф еле бежал, и весь бледный... Пиф, зачем ты сегодня вышел из дому! –

крикнул он прямо в небо, но там ничего не было, кроме ветра, несущего облака, как клочки белого руна, ветра, текущего, как прозрачная река.

Они стояли, дрожа, замерзая. Они глядели вслед тому Черному Нечто, которое умыкнуло их друга.

– Ну вот что, – сказал Смерч. – Тем больше резону поторопиться, ребятки. Если мы полетим побыстрей, может, нагоним Пифкина. Словим его славную, сладкую, леденцовую душу. Принесем домой, уложим в постель, закутаем в одеяло, согреем, сохраним его дух. Что скажете, ребята? Хотите разгадать разом две загадки? Разыскать, выручить Пифкина и заодно узнать тайну Кануна всех святых – убить две темные тайны одним верным ударом? А?

Они подумали про Ночь накануне Дня всех святых, когда мириады призраков шатаются по опустевшим дорожкам в холодных порывах ветра и нездешних странных клочьях дыма.

Они подумали про Пифкина, маленького, как мальчик с пальчик, про живой комочек восхитительного летнего блаженства – и вот его выдернули, как зуб, и утащили в черном вихре, полном паутины, гари и черной золы.

И они почти в один голос ответили: «Да!»

Смерч подскочил. Он бросился бежать. Он осыпал их толчками, тузил кулаками, неистовствовал.

– А ну скорей, бегом по тропе, вверх по склону, вперед по дороге! К заброшенной ферме! Прыгай через забор! Алле-оп!

Они перемахнули через забор и остановились возле амбара, сплошь заклеенного старыми цирковыми афишами, которые ветер раздирал в клочья и трепал уже тридцать, сорок, пятьдесят лет. Все проезжие бродячие цирки оставляли здесь клочки и обрывки яркой мишуры, наслоившиеся дюймов на десять.

– Нам нужен Змей, ребята! Клейте Воздушного Змея! Живей!

С этими словами мистер Смерч отодрал громадный лоскут со стенки амбара! И бумага затрепетала у него в руке – тигриный глаз! Еще один рывок, лоскут старинного плаката – львиная пасть!

Мальчишкам слышалось в реве ветра львиное рычание, прямо из Африки.

Они заморгали. Они помчались. Они скребли ногтями. Они цеплялись и рвали горстями. Они сдирали полосы, клочки, длиннющие свитки

звериной плоти; тут клык, там – свирепый глаз, разодранный бок, окровавленный коготь, хвост трубой, прыжок, бросок, рык! Вся стена амбара была как древний цирковой парад, которому крикнули: «Замри!» Они разнесли ее в клочья.

С каждым клочком отрывался коготь, язык, яростный кошачий глаз. А под ними открывался, слой за слоем, кошмарный мир джунглей, захватывающие дух встречи нос к носу с белыми медведями, скачущими во весь опор зебрами, разъяренными прайдами кровожадных львов, носорогами, несущимися в атаку, цепкими гориллами, карабкающимися по откосу ночи и переносящимися на сторону восхода. Тысячи диких зверей клубились в схватке, пытались высвободиться. Теперь, освобожденные, в горстях, кулаках, охапках у мальчишек, они шелестели и шуршали на осеннем ветру, когда мальчишки неслись взапуски по траве.

И вот Смерч выломал старые колья из забора и сделал грубую крестовину, хребет Змея, скрутил их проволокой и отступил в ожидании приношений – бумаги для Змея: мальчишки швыряли ее горстями, охапками.

И каждый клочок он бросал прямо на остов и в снопах искр приваривал намертво своими кремневыми пальцами.

– Эгей! – в восторге вопили мальчишки. – Эй, глядите!

Никто из них в жизни не видывал ничего подобного, не приходилось им встречать таких людей, как этот Смерч, – он запросто, одним щипком, толчком, шлепком сплавлял зрачок и клык, зуб и оскал, разверстную пасть – с торчащим рысьим хвостом! И вся эта масса обрывков сливалась в чудесную единую картину, диковинную загадку-головоломку, изловившую и запечатлевшую звериный мир джунглей, – налетев лавиной, все дикие звери застыли, увязли в клее, запутались в тенетах, но картина все нарастала, наливалась ярким цветом, звуком, узором в свете восходящей луны.

Вот еще один яростный глаз. Еще один хищный коготь. Еще один голодный, алчный оскал. Спятивший шимпанзе. Безумный павиан. Визгливо кричащий стервятник! Мальчишки подбегали, поднося последние осколки кошмара, и вот Змей закончен, его древнее тулово лежит готовое, после таинственной сварки, от которой еще дымятся синим дымком кремневые пальцы. Мистер Смерч прикурил сигару от последней вспышки, вырвавшейся из его большого пальца, и ухмыльнулся. И его ухмылка представила Змея в настоящем свете: это был Змей-истребитель, свора зверей, таких свирепых и ужасных, что их рев заглушал вой ветра и леденил сердца.

Смерч был доволен, и мальчишки тоже были довольны.

Дело в том, что Змей очень смахи-вал на...

– Ух ты! – сказал Том, потрясенный. – Птеродактиль!

– Что-что?

– Птеродактили – это такие древние летающие пресмыкающиеся, вымерли миллиард лет назад, и с тех пор их никто не видал, – пояснил мистер Смерч. – Хорошо сказано, малыш. Раз он похож на птеродактиля – значит, это и есть птеродактиль, и он понесет нас по ветру к Пропasti, Погибели, на Край Света или в какое-нибудь другое приятное местечко. А ну-ка, тащите канаты, веревки, бечевки, живей! Дергайте, тащите, несите!

Они сдернули старую бельевую веревку, болтавшуюся между амбаром и заброшенным домом. Добрых девяносто футов отличной веревки притащили они Смерчу, а тот всю ее пропустил через свой кулак, пока она не закурилась жутко зловонным дымом. Он привязал конец к середине громадного Змея, который лежал шевелил плавниками, как заплутавший, вытащенный из воды скат-манта на незнакомом высоком берегу. Он боролся с ветром за свою жизнь. Он трепетал и рвался ввысь, опираясь на восходящие потоки воздуха, но все еще лежал на траве.

Смерч отступил назад, рванул веревку – и вот Змей взлетел!

Он парил над самой землей на конце бельевой веревки, в волнах бьющегося, как немая тварь, ветра, ныряя в одну сторону, бросаясь в другую, внезапно становясь на дыбы, как стена, полная очей, панцирь из зубов, девятый вал рыка и воя.

– Не может подняться, не летит по прямой! Хвост, нам нужен хвост!

Том, будто его кто толкнул, не раздумывая, пригнулся и вцепился в пузо Змею. И повис. Змей уравновесился. Он начал подниматься.

– Ну да! – крикнул черный человек. – Ну, малый, ты молодец. Ума палата! Будешь хвостом! Все за ним!

И по мере того как Змей величаво всплывал по холодной бурной воздушной стремнине, все мальчишки, один за другим охваченные внезапной прихотью, подхлестнутые причудой, наращивали собой этот хвост. Иными словами, Генри Хэнк, ряженный Ведьмой, ухватился за щиколотки Тома, и теперь у Змея был роскошный хвост из двух мальчишек.

Потом Ральф Бенгстром, запеленутый в одеяния Мумии, путаясь и спотыкаясь о развевающиеся погребальные пелены, закутанный в свой слоистый гробовой кокон, подковылял поближе, прыгнул и вцепился в щиколотки Генри Хэнка.

Теперь в хвосте было уже трое мальчишек!

– Пойдите! А вот и я! – крикнул Нищий. (На самом-то деле под

лохмотьями и грязью скрывался Фред Фрайер.)

Он подпрыгнул, ухватился.

Змей рванулся вверх. И четверо ребят, составлявшие хвост, кричали во весь голос, требуя еще, еще!

И хвост стал еще длинней, когда мальчишка, одетый Обезьяночеловеком, в свою очередь уцепился за щиколотки, а за ним последовал мальчишка, одетый Смертью, прямо с косой – а это было очень опасно!

– Эй, поосторожней там с косой!

Коса упала вниз и улеглась в траве, как оброненная улыбка.

Зато еще двое мальчишек висели, уцепившись за не больно-то чистые щиколотки, и Змей поднимался все выше и выше, унося мальчишку за мальчишкой, пока, вопя и крича, все восемь мальчишек не повисли в воздухе чудесным извивающимся хвостом, последние были Призрак (на самом деле Джордж Смит) и Уолли Бэбб, выдумщик, вырядившийся Горгульей, как будто только что свалился с крыши собора.

Мальчишки восторженно орали. Змей нырнул и полетел.

– Эге-гей!

У-ух! Змей урчал, как тысячи разных зверьков.

Банннг! Натянутая Змеем веревка гудела на ветру, как струна.

– Тш-ш-ш! – шептали все вместе.

И ветер возносил их все выше, к звездам.

Смерч остался внизу, благоговейно созерцая свое творение, своего Змея, своих мальчишек.

– Подождите! – громко крикнул он.

– Нечего ждать, пора догонять! – заорали мальчишки.

Смерч понесся по траве, подхватил косу. Плащ его забился на ветру, распростерся, как крылья, и он просто-напросто взвился в воздух и – полетел.

Змей летел.

Мальчишки свисали вниз тонким ящеричьим хвостом: извиваясь, крутясь, скользя, щелкая, как бич.

Они едва не охрипли от восторженного крика. Они вопили от ужаса, и на вдохе, и на выдохе. Они казались на фоне лунного диска летучим восклицательным знаком. Они парили над холмами, долинами, фермами.

Они видели свое бегущее отражение в подернутых туманом, налитых лунным светом озерцах, ручейках, речках. Они проносились над кронами старых-престарых деревьев. Рожденный их полетом ветер стряхнул на землю несметные богатства монетного двора целой страны: золотые листья, как новенькие блестящие монетки, сыпались на черную траву. Мальчишки пролетали над городом и думали: да поглядите же вверх! Вот они мы! Ваши сыновья!

И еще думали: «Вниз, глядите вниз, где-то там наши мамы и папы, братья, сестры, учительницы! Эй, вот мы где! Ну кто-нибудь, гляньте же на нас! А то вы нипочем не поверите!»

Змей в последний раз спикировал, свистя, гудя, гроыхая вместе с ветром, проплыл над старым домом и Праздничным деревом, где им повстречался мистер Смерч!

Вверх-вниз, нырок, кувырок, бросок, шепоток!

Взмах состоящего из их тел хвоста заставил тысячу свечей заморгать, затрепетать, язычки пламени зашипели, зашептались, словно заикаясь, стараясь не погаснуть совсем, так что все болтающиеся на ветках тыквы едва не растеряли свои гримасы, улыбки, косые взгляды, полузадутые, полузадушенные коварными тенями. На один удар сердца все Дерево погасло. Но тут же, как только Змей взмыл вверх, Дерево занялось огнем, засветилось тысячей свежевырезанных тыквенных гневных очей, грозных оскалов, гримас и усмешек!

Дом следил всеми своими окнами, черными зеркалами, как Змей улетал все дальше и дальше, пока и мальчишки, и Змей, и сам мистер Смерч не стали маленькими точками на горизонте.

И тогда они поплыли вниз, в глубину Неведомой Страны, в Царство Древней Смерти и Темных Веков и Ужасного Прошлого...

– Куда это мы? – крикнул Том, держась за хвост Змея.

– Да, куда, куда? – крикнули все мальчишки, один за другим, один ниже другого.

– Не куда, а когда! – сказал Смерч, обгоняя их, и его распростертый плащ с капюшоном наполнился лунным ветром и временем. – За две тысячи – считайте! – лет до Рождества Христова! Пифкин там, он нас ждет! Я его чую! Летим!

И тут луна принялась моргать. Она закрывала глаз, и наставала тьма. Она подмигивала все быстрее, прибывала, убывала, прибывала, опять убывала. Она мелькнула и пропала больше тысячи раз, и в этом мигающем свете земля внизу менялась, потом еще пятьдесят тысяч раз промелькнули так быстро, что глазом не уследишь, даже не видно, когда луна светит,

когда гаснет.

И вот луна перестала мигать и застыла в полном покое.

И земля внизу была совсем иная.

– Смотрите, – сказал Смерч, висая над ними в пустом пространстве.

И весь миллион тигровых-львиных-пантерьих-леопардовых глаз осеннего Змея глядел вниз, и глаза мальчишек тоже.

И взошло солнце, и осветило...

Египет. Многоводный Нил. Сфинкс. Пирамиды.

– А ну-ка, – сказал Смерч. – Замечаете разницу?

– Уй-ююй! – ахнул Том. – Оно же все новенькое. Только что построено. Значит, мы и вправду улетели во Времени на четыре тысячи лет назад!

И точно, в Египте, раскинувшемся внизу, песок был взаправдашний, древний, а вот камни – только что отесанные. Сфинкс, простерший лапы на золотых песках пустыни, был новехонький, только что высеченный, новорожденное дитя древних гор. Он лежал как колоссальный котенок в спящем, слепом сверкании полуденного солнца. И если бы солнце упало с неба прямо ему в лапы, он стал бы играть им, как огненным клубком.

А пирамиды? Они лежали внизу, как странные детские кубики, новые головоломки, игрушки женщины-львицы по имени Сфинкс.

Змей с гудением понесся вниз, промчался на бреющем полете над песчаными барханами, перевалил пирамиду и поплыл, словно его всасывала разинутая пасть гробницы, высеченной в невысокой отвесной скале.

– Эгей, быстрее! – загудел Смерч.

Он размахнулся да как наподдаст Змею! Мальчишек встряхнуло, как гроздь звонких бубенцов.

– Ой, не надо! – завопили они.

Змей покачулся, стал падать, задержался футах в десяти над барханами и встряхнулся, как бродячий пес, которого донимают блохи.

Мальчишки благополучно приземлились в золотой песок.

Змей рассыпался на тысячи кусочков – глаза, клыки, визг и рычание, рев, слоновый трубный вопль... Гробовая пасть египетской гробницы все вдохнула в себя, и Смерч, хохоча, ворвался следом.

– Мистер Смерч, погодите!

Мальчишки вскочили, побежали, чтобы крикнуть погромче в черный зев гробницы. Потом подняли глаза и увидели, куда их занесло.

Это была Долина Царей, и колоссальные статуи богов громоздились над их головами. Прах струился из их глазниц, как диковинные слезы;

слезы из камня и сыпучего песка.

Мальчишки заглянули в темное чрево горы. Как русла пересохших рек, коридоры впадали в глубокие склепы, где лежали спеленутые полотняными пеленами мертвецы. Фонтаны из пыли шуршали и плескались в неведомых глубинах. Мальчишки прислушивались, горя нетерпением. Гробница дышала тошнотворной смесью острого перца, корицы и сотлевшего в пыль верблюжьего навоза. Где-то там спала мумия, покашливала во сне, поправляла бинт, облизывала губы сухим языком и переворачивалась на другой бок, чтобы соснуть еще тысячу-другую лет.

– Мистер Сме-ерч! – позвал Том Скелтон.

9

Из глубины иссохшей земли донесся бесплотный голос:

– Сссме-е-ерччч...

Что-то выкатилось, вылетело, выпорхнуло из темноты.

Длиннющая полоска полотна, в какое заворачивают мумии, выбилась на солнечный свет.

Словно сама могила высунула древний сухой язык, который лег к ногам мальчишек.

Они уставились на эту полоску полотна. Она была длиной в сотни футов, и если бы они захотели, то смогли бы пойти прямо по ней вниз, все вниз, в таинственные глубины египетской земли.

Том Скелтон, дрожа, осторожно коснулся пальцами ноги пожелтевшей полотняной полоски.

Ветер прилетел из гробницы, шепча:

– Ссскореййй...

– Ну, я пошел, – сказал Том.

И, балансируя на полотне, как на канате, он побрел вниз и скрылся в темноте погребальных покоев.

– Сссспешите-е! – нашептывал ветер, вылетающий из бездны. – Все, все-е. Спускайтесь... Следующий. И следующий. И еще, и еще... Быссстро!

Мальчишки сбегали вниз по полотняной тропке, в полном мраке.

– Полюбуйтесь: убийство, мальчики! Убийство!

Колонны, между которыми пробежали мальчишки, вдруг озарились. Роспись дрогнула, ожила.

На каждой колонне пылало золотое солнце.

Только это было солнце с ручками и ножками, туго запеленутое в погребальные свивальники.

– Убийство!

Исчадие тьмы нанесло солнцу сокрушительный удар.

Солнце было убито наповал. Оно погасло.

Мальчишки бежали вслепую, в крошечной тьме.

«Конечно, – подумал Том на бегу, – ясно, что солнце умирает каждый вечер. Засыпая, я думаю – возвратится ли оно? Завтра, наутро, неужели оно так и не взойдет?»

Мальчишки бежали. На колоннах, прямо перед ними, солнце снова возгорелось, как после затмения.

«Вот здорово, – подумал Том. – Так и знал! Оно взошло!»

Но в тот же миг солнце вновь было убито. На каждой колонне, мимо которой они пробегали, солнце гибло осенью и погребалось в ледяной зиме.

«В середине декабря, – думал Том, – мне часто кажется, что солнце никогда, никогда не вернется! Зима воцарится на веки вечные? На этот раз солнце умерло вправду!»

Но когда мальчишки к концу коридора замедлили бег, солнце уже снова возродилось. В пении золотых труб пришла весна. Весь коридор залил свет – чистый, яркий огонь.

Неведомый бог, сверкая, стоял, изображенный на каждой стене, его лицо пылало огнем торжества, золотые лучи струились вокруг.

– Эй, а я знаю, кто он! – задыхаясь, крикнул Генри Хэнк. – Видел в кино, где страшные египетские мумии!

– Озирис! – сказал Том.

– Озирисsss, – донеслось шипение Смерча из глубины гробниц. – Урок Номер Один из истории Кануна всех святых. Озирис, Сын Неба и Земли, каждую ночь погибает от руки своего брата, Мрака. Озириса убивает осень, его кровная родня – Ночь. Так бывает в разных странах, мальчишки. В каждой стране есть свой праздник смерти, связанный с временами года. Черепа и кости, ребятки, скелеты и призраки. Здесь, в Египте, созерцайте смерть Озириса, царя мертвых. Смотрите во все глаза.

И они глядели во все глаза.

Потому что перед ними открылась широкая дыра в стене подземелья, и через это отверстие им была видна деревушка в Древнем Египте, где люди, суесясь в сумерках, выносили еду на глиняных и медных блюдах и ставили на пороги и подоконники.

– Для душшшш, спешащщщх домой, – прошептал Смерч из глубины

тьмы.

На всех домах теплились гирлянды масляных светильников, и полупрозрачный дымок кружился над ними, как заблудшие души.

Так и казалось, что видишь привидения, пробирающиеся вдоль мощенных камнем улочек.

От солнца, канувшего в бездну на западе, тянулись длинные тени, норовившие ощупью пробраться в дома.

Но парок над горячими блюдами, выставленными на крыльцо, заставлял тени кружиться, трепетать.

Легкий аромат курений и древнего праха долетал до мальчишек, глазающих на этот старинный праздник мертвых, где «сласти» были выставлены не для толпы ряженных, а для бесприютных душ.

– Ух ты, – шептали мальчишки.

О любимые, милые тени родных,
Навещайте живых, навещайте живых.
Не сбивайтесь с пути, ослепленные
тьмой.
Возвращайтесь домой, возвращайтесь
домой!

Над неяркими светильниками курился дымок.

И тени вступали на крыльцо и, едва касаясь, принимали пищу, дар живых.

Мальчишки увидели, как в одном доме древнюю мумию какого-то прадедушки вынесли из чулана, и посадили на самое почетное место во главе стола, и поставили перед ним угощение. И вся семья, собравшаяся к ужину, поднимала бокалы и пила за мертвого, сидящего с ними, давным-давно превратившегося в горстку праха, в безгласную пыль...

– А ну-ка, быстрее, догоняйте, ищите!

Это звал их, хохоча, сам Смерч.

– Сюда! Нет, сюда! Сюда!

Они побежали по тонкой ленточке, какой обвивают мумии, в самую глубь земли.

– Сюда! Я зде-е-ессь.

Они завернули за угол и остановились – длинная полотняная лента вилась по полу гробницы и вверх по стене, обвивалась вокруг ног иссохшей коричневой мумии, стоявшей стоймя в освещенной свечами нише.

– Эт-то... – заикаясь, пробормотал Ральф Бенгстрем, одетый в самодельный костюм Мумии, – эт-то настоящая мумия?

– Точно, – прошелестело облачко пыли, выбившись из-под золотой маски на лице мумии. – Ссссамая насстоящая.

– Мистер Смерч! Это вы!

Золотая маска свалилась и покатилась по полу, звеня как колокол, поблескивая.

Маска обнажила лицо мумии, похожее на бурое дно высохшей под неистовым солнцем лужи. Один глаз был сплошь затянут паутиной. Из другого, как слезы, лились пыльные струйки, а в глубине блестело ярко-голубое стеклышко.

– Признавайтесьсссь, кто тут у васссс одет мумией? – спросил глухой голос из-под тесного савана.

– Я, сэр! – пропищал Ральф, протягивая руки, показывая на свои ноги и грудь, туго забинтованные аптечными бинтами, – он полдня ухлопал на то, чтобы превратиться в мумию.

– Ссславно, – выдохнул Смерч. – А теперь хватай за полотняный бинт. Тяни!

Ральф нагнулся, взялся за бинт, обвивавший древнюю мумию, – да как дернет!

Бинт завертелся, разматываясь, освобождая нос, похожий на клюв древнего ящера, чешуйчатый подбородок и высохший, застывший в улыбке рот, полный сухого праха. Скрещенные руки Смерча упали, освободившись.

– Спасибо, малыш! Свободен! Мало радости – быть спеленутым в сверток, как погребальное подношение Стране Мертвых. Но – тш-ш-ш! Быстро, ребятки, прыгайте в ниши, стойте! Сюда идут! Замрите, умрите!

Мальчишки попрыгали в ниши и застыли, скрестив руки, зажмутив глаза, не дыша, словно череда маленьких мумий, высеченных из первозданной скалы.

– Тишише, – шептал Смерч. – Слышу... Все ближе...

Погребальная процессия.

Толпа плакальщиц, в шелках и золоте, несущих игрушечные парусные кораблики и медные сосуды с едой.

А в середине – гроб с мумией, невесомый, как солнечный зайчик, на плечах шестерых мужчин. А следом – свежезапеленутая мумия, с едва высохшей росписью и в золотой маске, скрывающей лицо.

– Замечайте, ребятки, – еда и игрушки, – прошелестел Смерч. – Они клали в могилу игрушки, ребятки. Чтобы боги собрались поиграть, повозиться, поводить хороводы – и увлечь ребенка в разгаре игр и веселья – в Страну Мертвых. Видите – лодочки, воздушные змеи, скакалки, игрушечные сабли...

– Смотрите-ка, а мумия маленькая! – сказал Ральф, закутанный в свои душные марлевые бинты. – Там мальчишка лет двенадцати! Как я! А золотая маска на этой мальчиковой мумии – на кого она похожа?

– Пифкин! – крикнули все осипшими голосами.

– Тш-ш-ш-ш! – зашипел Смерч.

Процессия остановилась, и великие жрецы озирались вокруг, озаренные скачущими огнями факелов, окруженные мечущимися тенями.

Мальчишки, примостившиеся в высоких нишах, зажмурили глаза, задержали дыхание.

– Ни звука, – комариным писком донесся до ушей Тома голос Смерча. – Ни вдоха...

Снова слышалось треньканье арф.

Процессия поползла дальше.

И среди всего этого золота, игрушек, воздушных змеев для покойников плыла мумия, маленькая, двенадцатилетняя, новехонькая, в золотой маске, как две капли воды похожей на...

...Пифкина!

«Нет, нет, нет, нет, нет!» – взмолился про себя Том.

– Да! – крикнул мышиный голосок, тоненький, отчаянный, полузадушенный, пленный, одичалый. – Это я! Я тут. Под маской. Запеленутый намертво. Не могу шевельнуться. Не могу крикнуть. Не могу выпутаться!

«Пифкин! – подумал Том. – Погоди!»

– Не могу! Попался я! – кричал еле слышный голосок из-под расписных свивальников. – Не бросайте меня! Ищите! Встретимся в...

Голос заглох – погребальная процессия завернула за угол и сгинула в черном лабиринте.

– Где тебя искать, Пифкин? – крикнул во тьму Том Скелтон, выскочив из своей ниши. – Где мы встретимся?

Но в этот самый момент Смерч, как подрубленное дерево, рухнул из своей ниши. Бух! – он грянулся об пол.

– Не спеши! – остановил он Тома, глядя на него единственным глазом, похожим на паука, запутавшегося в собственных сетях. – Мы еще успеем спасти старину Пифкина. Тише, как мыши... Скользите, ползите, ребятки. Тсссс...

Они помогли ему встать на ноги, размотали несколько бинтов, прокрались на цыпочках по длинному коридору и завернули за угол.

– Божьи коровки! – прошептал Том. – Глядите! Они кладут мумию Пифкина в гроб, а гроб в этот... как его...

– Саркофаг, – вставил Смерч, знавший это мудреное слово. – Гроб – и еще гроб – и еще один гроб, малыш. Один больше другого, и каждый разрисован иероглифами, рассказами о жизни покойного...

– О жизни Пифкина?

– Ну, того, кем был Пифкин в той жизни, в тот год, четыре тысячи лет тому назад.

– Ага, – прошептал Ральф. – Смотрите – картинки на стенках гроба. Пифкину год от роду. Пифкину пять. Пифкин в десять лет – бежит со всех ног. Пифкин влез на яблоню. Пифкин понарошку тонет в озере. Пифкин забрался в сад с персиками и закатил себе пир. Стойте, а это что такое?

Смерч наблюдал за похоронными хлопотами.

– Они вносят в погребальную камеру разную мебель, чтобы ему было уютно в Стране Мертвых. Лодочки. Змеи. Кубарь с хлыстиком, чтобы вертелся. Свежие фрукты – на случай, если Пифкин проснется сотни лет спустя и захочет перекусить.

– Как не проголодаться! Эй, да что же это? Они уходят! Они закрывают гробницу!

Смерч обхватил Тома и крепко держал, а Том отчаянно рвался у него из рук.

– Они оставили Пифкина там, похоронили? Когда же мы его спасем?

– Успеется. Долгая Ночь вся впереди. Мы увидим Пифкина вновь, не сомневайся. И тогда...

Дверь гробницы со стуком захлопнулась.

Мальчишки подняли крик и вой. В темноте они слышали, как шлепается известковый раствор и шуршит мастерок, замуровывая последние щелочки между камнями, последние зазоры.

Плакальщицы удалились, унося онемевшие арфы.

Ральф стоял в своем костюме Мумии, как оглушенный, глядя вслед уходящим теням.

– Значит, вот почему я вырядился Мумией? – Он дотронулся до бинтов. Он потрогал свое изборожденное морщинами из папье-маше

древнее лицо. – Значит, вот какую роль я должен играть в Канун всех святых?

– Верно, малыш, верно, – пробормотал Смерч. – Египтяне умели строить на века. Они рассчитывали на десять тысяч лет. Гробницы, ребятки, гробницы. Могилы. Мумии. Кости. Смерть, смерть. Смерть была сердцевинкой, зеницей ока, светом, душой и телом их жизни! Гробницы, все новые и новые гробницы с потайными ходами, так что никто не мог туда пробраться, чтобы воры не подкопались и не унесли души, игрушки, золото. Ты одет Мумией, малыш, потому что так египтяне наряжались для Вечности. Закутавшись в полотняный кокон, они надеялись выйти на свет прекрасными бабочками, в какой-нибудь дальней, чудесной, полной любви стране. Ощупай свой кокон, дружок. Прикоснись к чуду.

– Ух ты, – сказал Ральф-Мумия и заморгал, разглядывая подернутые дымкой стены и древние иероглифы. – Выходит, у них каждый день был Канун всех святых!

– Каждый день! – восхищенно ахнули все.

– Каждый день был Кануном всех святых и для этих! – Смерч указывал куда-то пальцем.

Мальчишки обернулись.

В могильном склепе затрепетала как бы зеленая молния. Земля затряслась, полнясь отголоском доисторического землетрясения. Где-то вулкан заворочался во сне, и на стены упал багровый отблеск раскаленного склона.

На стенах вокруг проступили рисунки первобытных людей, живших задолго до древних египтян.

– Ну! – сказал Смерч.

Молния ударила.

Саблезубые тигры пожирали пещерных людей, вопящих от ужаса. Их кости тонули в ямах с природным асфальтом. Они утопали, завывая.

Смерч сморгнул. Молния разила с небес, поджигая леса. Один обезьяночеловек, удирая, схватил пылающий сук и ткнул его в пасть саблезубому тигру. Тигр взревел и отскочил. Обезьяночеловек, победно хохоча, швырнул горящий сук в кучу осенней листвы у себя в пещере. Сбежались другие люди, протягивая руки к огню, грелись, насмехаясь над перепуганной желтой тварью, чьи глаза светились в ночи.

– Видали, ребятки? – Отблески пламени плясали на лице Смерча. – Дни Вечного Холода миновали. А все потому, что один из этих смельчаков, изобретатель, запалил листья в пещере зимой.

– А при чем тут Канун всех святых? – спросил Том.

– При чем? Да разрази меня молнией – при всем! Когда ты сам и твои друзья гибнут каждый божий день, как-то недосуг задуматься о смерти, а? Все время в бегах, некогда оглянуться. Но когда наконец ты остановился...

Он коснулся стен. Пещерные люди замерли на бегу.

– Тогда у тебя есть время подумать, откуда ты взялся, куда идешь. Огонь озаряет путь, ребятки. Костры и молнии. Можно созерцать утренние звезды. Костер в родной пещере – твоя защита. Только сидя у ночного костра, пещерный житель, человек-зверь, наконец-то мог спокойно покрутить свои мысли на вертеле, поливая жирком любознательности. Солнце умирало в небе. Зима наступала, как громадный белый медведь, стряхивая с себя лавины снега. Похороненный в снегах, он думал, вернется ли весна в этот мир. Воскреснет ли солнце на будущий год, или оно убито навеки? Об этом размышляли египтяне. Пещерный человек задавал этот вопрос за миллионы лет до них. Взойдет ли солнце завтра утром?

– Значит, с этого и начинался Канун всех святых?

– С таких вот долгих размышлений по ночам, ребятки. И всегда все мысли кружились вокруг одного центра – огня. Солнце. Солнце, навеки угасшее в ледяном небе. Представляете, как это ужасало пещерного человека, а? Это же была Великая Смерть. Если солнце погаснет навеки, что с нами будет? Вот почему на исходе осени, когда все кругом увядало, умирало, обезьяночеловек ворочался во сне и вспоминал своих родичей, погибших в этом году. Духи звали его, голоса звучали у него в голове. Духи и голоса – это просто воспоминания, но пещерные люди об этом не знали. Закрыв глаза, они видели поздней ночью привидения, видения памяти, – духи манили, танцевали, и пещерные люди просыпались, подбрасывали сучья в огонь, тряслись, рыдали. Стаю волков было легче отогнать, чем воспоминания, чем бесплотные души. И они обхватывали грудь руками, молились, чтобы весна поскорее пришла, и, уставясь в огонь, благодарили богов за богатый урожай плодов и орехов. Вот уж это был Канун так Канун! Миллион лет назад, поздней осенью, в пещерах, с роем привидений в голове, навеки распрощавшись с солнцем...

Голос Смерча звучал все глуше.

Он размотал еще метр или два своих погребальных пелен, перекинул их через руку, как рыцарский плащ, и сказал:

– То ли еще увидите. Пошли, мальчики.

И они вышли из катакомб в сумерки древнеегипетского дня.

Великая пирамида стояла перед ними, поджидая.

– Последний на вышке – дядька мартышки! – бросил Смерч.

Дядькой мартышки остался Том.

Пыхтя и отдуваясь, они добрались до верхушки пирамиды, на которой оказалось, будто поджидая их, громадное увеличительное стекло из хрусталя – подзорная труба, лениво поворачивающаяся от ветра на золотом треножнике, великанский глаз, который умел приближать далекое.

На западе солнце, задушенное облаками, испускавшее дух, закатилось. Смерч подвывал от радости:

– Кануло в бездну, ребятаки. Сердце, дух и плоть Кануна всех святых. Само Солнце! Вот Озириса убили сызнова. Там закатился Митра, персидский огненный бог. Упал с небес Аполлон, воплощение света у древних греков. Солнце и пламя, ребятаки. Глядите, моргайте. Загляните в хрустальную подзорную трубу. Поверните ее на Средиземноморское побережье, миль на тысячу ниже. Видите Греческие острова?

– А как же, – откликнулся невзрачный Джордж Смит, одетый в бледные одеяния Призрака. – Города и городишки, улицы, домики. Люди выскакивают на крыльцо, тащат еду!

– Да, – просиял Смерч. – Это их Празднество мертвых: Праздник Горячей пищи. Сласти или страсти по старинке. Не покормишь покойников, они тебе и подстроят какую-нибудь гадость! Вот и выносят им сладости, вкусоности – прямо на порог!

В дальней дали, в ласковых сумерках, горячие кушанья исходили ароматным парком, блюда были выставлены для душ, которые неслись легкими клубочками дыма над страной живых. Женщины и ребятаки сновали туда-сюда возле греческих домов, вынося блюда для изобильного пира – сдобренные пряностями, просто слюнки текут!

Потом на всех Греческих островах разом хлопнули двери. Громоподобный стук разнесся на крыльях ночного ветра.

– Храмы запирают, – пояснил Смерч. – В эту ночь все святилища в Греции будут заперты на двойной запор.

– Ой, смотрите! – Ральф – бывшая Мумия – крутанул хрустальную линзу. Яркий зайчик ослепительно сверкнул в глаза сквозь прорези всех масок. – Вон там зачем это люди мажут притолоки дверей черной патокой?

– Смолой, – поправил Смерч. – Черная смола, чтобы духи в нее вляпались, прилипли и не смогли пробраться в дом.

– Да, – сказал Том, – а мы-то с вами об этом не думали?

Тьма кралась вдоль берегов Средиземного моря. Из могил вставляли духи, похожие на туман. Души мертвых брели вдоль улиц в саже и черных

плюмажах и тут же прилипали к черной смоле, которой были вымазаны все пороги и притолоки. Ветер жаловался и выл, словно оплакивая мучения мертвых, угодивших в ловушку.

– А вон Италия. Рим.

Смерч повернул линзу – стали видны римские кладбища. Люди клали еду на могилы и поспешно уходили.

Ветер хлопал полами плаща, раздувал капюшон Смерча.

Загудел в глотке, в широко разинутом зеве:

Осенний ветер, закружись!
Рваниць, вернись в ночную высь!
И унеси меня с собой,
Как мертвых листьев легкий рой!

Смерч сделал прыжок, антраша в воздухе. Мальчишки завопили от восторга, когда его плащ, платье, волосы, кожа, плоть, кости, сухие, как кукурузные кочерыжки, – все рассыпалось у них на глазах.

Ветер... кружись!
Рваниць... изменись...

Ветер растрепал его, рассыпал, как конфетти; миллион осенних листьев, золотых, бурых, красных, как кровь, ржаво-рыжих – вскипая, убегая через край, – охапка дубовых и кленовых листьев, лавина листвы орешника, листопад, россыпь, шорох, шепот – прямо в темные заводи небесной реки. Не один воздушный змей – нет, десять тысяч раз по тысяче мельчайших, как хлопья истлевшего праха, его подобий – вот все, что осталось от взорвавшегося, как хлопушка, Смерча.

Мир – крутись! Лист – кружись!
Трава – под лед! Деревя... в полет!

И с мириад других деревьев в царстве осени летели листья, чтобы схлестнуться в вихре, вздымающем несметные полчища сухих хлопьев, на которые распался Смерч, как на тысячи смерчилов и сквознячков, гудящих, как ураган, его голосом: – Ребята, видите костры по всему

Средиземноморью? Костры, загорающиеся все дальше на север, по всей Европе? Это костры страха. Факелы праздников. Не прочь поглядеть? Придется взлететь! А ну, разом!

И листья посыпались лавиной на каждого мальчишку, как жуткие порхающие бабочки, вцепились и унесли их с собой. Они пронеслись над египетской пустыней, крича песни и хохоча. Проплыли, заходясь от восторга и страха, над неведомым морем.

– Счастливого Нового года! – крикнул кто-то далеко внизу.

– Счастливого – чего? – переспросил Том.

– Счастливого Нового года! – прошелестел Смерч из вихря сухой листвы. – В стародавние времена Новый год наступал первого ноября. Это и вправду конец лета, начало зимнего ненастья. Не такой уж счастливый, но все же – Счастливый Новый год!

Они промчались над всей Европой и снова увидели внизу воду.

Смерч зашептал:

– Британские острова. Хотите взглянуть на чисто английского, друидского бога мертвых?

– Хотим!

– Тихо, как пушинки одуванчика, мягко, как снежинки, падайте, слетайте вниз, все как один.

Мальчишки слетели.

Их ноги пробили по земле мягкую дробь, как будто кто высыпал большой мешок каштанов.

Так вот мальчишки, посыпавшиеся на землю градом яркой осенней мишуры, приземлились в таком порядке:

Том Скелтон, облаченный в свои аппетитные косточки;

Генри Хэнк, более или менее сходявший за Ведьму;

Ральф Бенгстрем, распеленутая Мумия; с каждой минутой с него сматывался еще один виток бинта;

Призрак по имени Джордж Смит;

Джи-Джи (другого имени не требовалось) – весьма представительный Обезьяночеловек;

Уолли Бэбб, который уверял, что оделся Горгульей, но все решили, что он больше похож на Квазимодо;

Фред Фрайер ни дать ни взять – Нищий, вывалившийся в придорожной

канаве.

Последний, но вовсе не из последних, Растрепа Нибли – костюм он соорудил в последнюю минуту, натянув страшную белую маску, а косу стянул у бабушки в сарае.

Когда все мальчишки благополучно опустились на английскую землю, миллиарды осенних листьев осыпались с них и унеслись с ветром.

Они стояли среди необозримого поля пшеницы.

– Держи, мастер Нибли, я прихватил твою косу. Бери! Хватай!.. Ложись! – вдруг крикнул Смерч. – Друидский бог смерти. Самайн! Ложись ничком!

Они повалились ничком.

И вовремя – гигантская коса широким взмахом неслась к ним с неба. Она рассекала ветер своим острым как бритва лезвием. Со свистом она вспарывала облака. Сносила головы деревьям. Начисто сбивала растительность со щеки холма. Подкашивала пшеницу под корень. В воздухе носились и падали колосья – взвихрилась пшеничная пурга.

И с каждым взмахом – косящим, разящим, бреющим – к небесам рвались крики боли, вопли ужаса, предсмертные стоны.

Коса взлетела со свистом.

Мальчишки припали к земле.

– Уух-х! – гикнул великанский голос.

– Мистер Смерч, неужели это вы? – крикнул Том.

Возвышаясь над ними на сорок футов, громоздясь в небе, с великанской косой в руках, стояла колоссальная фигура в плаще с капюшоном, скрывавшим лицо, как полночный туман.

Коса пошла вниз – шшшшссс!

– Мистер Смерч, пощадите нас!

– Молчи. – Кто-то толкнул Тома под локоть. Мистер Смерч лежал на земле рядом с ним. – Это не я. Это...

– Самайн! – прогремел голос из тумана. – Бог мертвых! Я собираю свою жатву, вот так и вот так.

Сссвись!

– Здесь все, кто умер в этом году! И все они, за свои грехи, этой ночью превращены в разных тварей!

Шшшшсссухххх!

– Не надо! – захныкал Ральф-Мумия.

Раззззззз! Коса со свистом вспорола на спине костюм Растрепы Нибли, оставив длинную прореху, вышибла у него из рук его жалкую

маленькую косу.

– Твари!

Пшеница, подкошенная косой, под ударами ветра, кружась, отвеивала крики потерянных душ, всех тех, кто умер за последние двенадцать месяцев, и они дождем сыпались на землю. И стоило им упасть, коснуться земли, как зерна превращались в ослов, кур, змей – они метались, кудахтали, орали. И все они были уменьшены. Все были крохотные, малюсенькие, не больше червяков, не больше мизинцев на ногах, не больше кончика носа, если его срезать. Колосья пшеницы сотнями и тысячами реяли в воздухе и падали вниз пауками, лишенными голоса – они не могли ни плакать, ни кричать, ни просить пощады, – в полном безмолвии они разбегались в траве, лавиной захлестывая мальчишек. Сотня сороконожек на пуантах протанцевала по спине Ральфа. Две сотни пиявок присосались к косе Растрепы Нибли, пока он, стряхнув с себя кошмар, не сшиб их одним яростным ударом. Повсюду сыпались ядовитые пауки и мельчайшие удавы.

– Вот вам за грехи! За грехи! Получайте! Вот вам! – гулко грохотал голос в небе, заглушая свист ветра.

Коса блистала. Рассеченный ею ветер рассыпался звонким громом. Пшеница ходила волнами, вместо колосьев вырастали миллионы голов. Головы, отсеченные, падали вниз. Грешники стучали по земле, как камнепад. И, коснувшись земли, превращались в лягушек, в жаб, в несметное множество бородавчатых и чешуйчатых тварей, в медуз, выброшенных на сушу, разящих зловонием.

– Я больше не буду! – взмолился Том Скелтон.

– Не убивай меня! – подхватил Генри Хэнк.

Пришлось крикнуть погромче, потому что коса разила ужасным ревом. Казалось, что девятый вал, поднявшись до неба, обрушился вниз, снес все с берега и откатился назад, чтобы подсесть гряде облаков. Слышалось, как даже облака истово и горячо молятся шепотом, прося пощады. Только не я! Только не меня!

– Это вам за все зло, что вы совершили! – сказал Самайн. И коса взлетала раз за разом, собирая жатву душ, которые падали и обращались в слепых головастика, отвратительных клопов и мерзопакостных тараканов – они расползались, разбегались, сучили ножками, ползли, корчились, ковыляли.

– Ну и ну! Да он – клопный царь!

– Повелитель блох!

– Прядильщик змей!

– Мушинный заводчик!

– Нет! Самайн! Бог октября. Бог мертвых!

Самайн топнул своей ножищей, придавив тысячу клопов, прятавшихся в траве, растоптал десять тысяч крохотных тварей-душ, барахтавшихся в пыли.

– Сдается мне... – сказал Том, – не пора ли нам...

– Смываться? – перебил Ральф – как видно, это слово давно вертелось у него на языке.

– Проголосуем?

Коса взвизгнула. Самайн неистовствовал.

– Не хватало еще! – сказал Смерч.

Все разом вскочили.

– Эй, вы! – громыхнул над их головами голос Самайна. – Назад!

– Нет, сэр, спасибо, – сказал кто-то и еще кто-то. И – правой-левой! – бросились прочь.

– Сдается мне, – сказал Ральф, задыхаясь, прыгая, удирая, утирая слезы, – что я почти всю жизнь вел себя хорошо. Я не заслужил смерти.

– Аза-xxx! – ухнул Самайн.

Коса упала, как нож гильотины, снесла крону дубу, срубила клен. Целый урожай спелых яблок посыпался где-то в мраморную чашу. Словно полный дом мальчишек разом свалился с лестницы, считая ступеньки.

– По-моему, он не расслышал, Ральф, – сказал Том.

Они нырнули, залегли среди скал, поросших кустарником.

Коса высекала искры из валунов.

Самайн испустил такой вопль, что лавина камней обрушилась с ближайшего холма.

– Уй-ю-юй! – сказал Ральф, скорчившись, согнувшись в три погибели, свернувшись в клубок – колени к груди, глаза крепко зажмурены. – Если вздумаешь грешить – только не в Англии!

И как последний заряд дождя – ливень, лавина бьющихся в истерике душ, превращенных в мокриц, обращенных в клопов, в пауков-сенокосцев, в блох, в жуков-могильщиков, расползлась по телу, затопила мальчишек.

– Эй! Гляди! Вон пес!

Одичалый пес, обезумев от страха, опрометью мчался вверх по скале.

Но его мордочка, его глаза – что-то такое у него в глазах...

– Неужели это?..

– Пифкин? – подхватили все.

– Пиф! – закричал Том. – Ты здесь назначил встречу? Ты...

Но – ууух! – свистнула коса.

Визжа от ужаса, песик перекувырнулся через голову и кубарем скатился в траву.

– Держись, Пифкин! Мы тебя узнали, мы видим тебя! Да не бойся ты!.. Не убегай... – Том свистнул.

Но песик, скуля и жалуясь испуганным, родным, знакомым голосом славного Пифкина, умчался и пропал.

Но что это? Эхо его жалобного тьяканья донеслось с далеких холмов:

– Спаси-и-ите! Ищи-и-и-ите... Ищите. Ищите! Ищи-ии-и-те...

«Где? – подумал Том. – Негодники божии, где?»

13

Самайн поднял косу, играя своей силой. Он рассмеялся, довольный собой, плюнул огненной слюной на свои загрубелые ладони, покрепче ухватился за рукоятку косы, широко размахнулся и – замер...

Где-то вдали слышалось пение.

Ближе к вершине холма, в небольшой рощице, мерцал слабый огонек костра.

Там собрались люди, как тени; поднимая руки, они пели песню. Самайн прислушался; коса, как застывшая улыбка великана, неподвижно висела в воздухе.

О Самайн, бог мертвых!

Выслушай нас!

Мы, великие жрецы друидов, здесь,

В этой роще деревьев, великанов Дубов,

Молим тебя за души умерших!

Там, вдалеке, эти неведомые люди у горящего костра размахивали блестящими ножами, поднимали кверху кошек, коз, распевая:

Мы молим тебя за души тех,

Кто превращен в бессловесных тварей.

О бог мертвецов, мы приносим тебе

В жертву вот этих животных,

Чтобы ты освободил

Души наших родных и друзей,

Умерших в этом году!

Ножи сверкали.

Самайн улыбнулся во весь рот. Жертвенные животные закричали.

Повсюду: под ногами у мальчишек, в траве, среди камней – везде плененные души, сгинувшие в пауках, заточенные в тараканах, брошенные в блохах, мокрицах и сороконожках, разевали немые рты и беззвучно зывали, корчась и извиваясь.

– Освободи! Не погуби! – молились друиды на склоне холма.

Костер жарко разгорелся.

Ветер с моря завыл над долинами, пронесся среди скал, коснулся пауков, покати́л свернувшихся мокриц, опрокинул тараканов. Крохотные пауки, насекомые, мелкие-премелкие собачки и коровки пухом понеслись прочь, как хлопья снега. Маленькие души, узницы, заключенные в тельца насекомых, рассеялись.

Освобожденные, они с шепотом и щебетом полетели ввысь, словно к куполу, рождающему гулкое эхо.

– В небеса! – воскликнули друидские жрецы. – Вы свободны! Летите!

И они улетели. Они скрылись в воздухе, слитно вздохнув, с невыразимой благодарностью и облегчением.

Самайн, бог мертвых, пожал плечами и отпустил их с миром.

Но вот – так же внезапно – он весь застыл в напряжении.

Точно так же замерли мальчишки и мистер Смерч, притаившиеся в скалах.

По долине, по склону холма беглым шагом наступала армия римских солдат. Предводитель бежал впереди всех, крича:

– Солдаты Рима! Истребляйте дикарей! Низвергайте нечистых богов! Так приказал Светоний!

– За Светония!

Самайн, в небесах, замахнулся своей косой, но поздно!

Солдаты вонзили мечи и топоры в стволы священных дубов друидов.

Самайн взревел от боли, как будто топоры подрубили ему колени. Священные деревья стонали, их ветви со свистом рассекали воздух, стволы с предсмертным стоном и грохотом валялись наземь.

Самайна там, наверху, била дрожь.

Жрецы-друиды, спасавшиеся бегством, остановились, объятые дрожью.

Деревья валялись.

Жрецы с подрубленными сухожилиями, коленями, ступнями падали. Их перекатывало ветром, как стволы ураганом.

– Нет! – загрохотал Самайн высоко в воздухе.

– Да! – загремели римляне. – А ну!

Солдаты нанесли последний страшный удар.

И Самайн, бог мертвых, с подрубленными корнями, с подсеченными голеньями, стал падать на землю.

Ребята, задрав головы, успели отскочить. Им казалось, что целый лес, разом подрубленный, обрушился гигантской грудой. Они утонули в тени его полуночного падения. Громоподобный голос его смерти опережал его падение. Он был самым гигантским деревом на свете, выше самого высокого дуба, который когда-либо валился замертво и расставался с жизнью. Он падал с душераздирающим скрипом, бил сучьями дико воющий воздух, стараясь удержаться.

Самайн грянулся оземь.

Он свалился с ревом, который потряс до глубины окрестные холмы и задул, как свечи, священные костры.

Когда Самайн, срубленный, простерся на земле, все оставшиеся в живых друидские дубы повалились вслед за ним, словно подкошенные последним взмахом косы. Его собственная громадная коса, как великанская улыбка, затерянная в полях, расплылась серебряной лужицей и канула в траву.

Молчание. Тлеющие уголья. Шорох ветра в листве.

Солнце вдруг скатилось вниз.

Мальчишки смотрели, как жрецы-друиды истекают кровью в траве, а римский центурион топчет угасшие костры, разбрасывая священный пепел.

– Здесь мы воздвигнем храм нашим богам!

Солдаты снова разожгли костры и воскурили благовония перед золотыми идолами, которых принесли с собой.

Но не успели они развести огонь, как на востоке загорелась Звезда. В далекой пустыне, под звон верблюжьих бубенцов, тронулись в путь Волхвы.

Римские солдаты подняли свои бронзовые щиты, заслоняясь от горящей в небе Звезды. Но щиты расплавились. Римские кумиры сплавились, превратились в статую Девы Марии с Младенцем. Оружие римлян плавилось, растекалось, преображалось. И вот они уже одеты в облачения священников, поющих псалмы на латыни перед новыми и новейшими алтарями, а тем временем Смерч, припав к земле, искоса наблюдал за этой сценой и шептал своим маленьким ряженым спутникам:

– Вот-вот, ребятки, видали? Боги сменяют богов. Римляне срубили друидов, их дубы, их бога мертвых под корень, да? И поставили на их место своих богов, так? А вот и христиане налетели и свергли римлян! Новые алтари, мальчишки, новые курения, новые имена...

Порыв ветра задул все свечи в алтаре.

В полной тьме Том закричал от страха. Земля дрогнула и закрутилась волчком. Ливень мигом вымочил их до костей.

– Что творится, мистер Смерч? Где мы?

Смерч высек огонь своим кремневым пальцем и поднял его высоко вверх.

– Да это же, разрази меня... это же темное Средневековье. Самая долгая, самая темная ночь. Много веков минуло с тех пор, как Христос пришел и покинул мир, и...

– Где Пифкин?

– Я здесь! – донесся голос с непроглядно-черного неба. – Похоже, я лечу на метле! Она меня уносит!

– Эй, и меня тоже, – сказал Ральф, а за ним Джи-Джи, потом Растрепанбли, и Уолли Бэбб, и все остальные.

Раздался шепот по всей земле, словно гигантский кот умывался, расправляя усищи в полной тьме.

– Метлы, – бормотал Смерч. – Шабаш Метел. Октябрьский праздник Метлы и Помела. Ежегодный перелет.

– Перелет – куда? – спросил Том, крича во весь голос, потому что в воздухе проносились со свистом и гиканьем невидимые полчища.

– Ясно – Туда, Где Делают Метлы!

– Спасите! Лечу-у! – завопил Генри Хэнк.

Шшш-ух! Метла одним взмахом унесла его прочь.

Гигантская лохматая кошка шмыгнула мимо Тома, оцарапав ему щеку. Он вдруг почувствовал, что деревянная лошадка выкидывает под ним кренделя.

– Держись! – сказал Смерч. – Когда под тобой норовистая метла, остается только одно: держись крепче!

– Держусь! – крикнул Том, улета.

Метлы дочиста вымели все небо.

Мальчишки, оседлавшие восемь метел, своими воплями дочиста

разогнали остатки облаков.

Поглощенные, они не заметили, как их испуганные вопли перешли в крики восторга, и почти позабыли про Пифкина, который мчался рядом с ними среди облаков-островков.

– Правьте сюда! – приказал Пифкин.

– Сию минуту! – откликнулся Том Скелтон. – Слушай, Пиф, оказывается, удержаться на метле ужасно трудно!

– Ты будешь смеяться, – сказал Генри Хэнк, – но мне тоже.

Все поддержали его: то и дело приходилось цепляться, карабкаться, чтобы не расстаться со скакуном.

Метлы в небе летели так густо, что на небе не осталось ни облачка, не было места даже клочку тумана, не говоря о мальчишках. Образовалась невиданная дорожная пробка из метелочного транспорта; можно было подумать, что все леса на земле с гулом встряхнулись, сбросили ветки и, шаря по осенним полям, срезали под корень и обматывали удавками все колосья, из которых могли получиться хорошие веники, метлы, выбивалки, пучки розог, и взлетали прямо в небо.

Со всего света слетелись и все шесты, на которых натягивали веревки, чтобы вешать белье на задних дворах. А с ними прилетели и пучки травы, охапки сена, колючие ветки – разогнать стада облачных овец, начистить до блеска звезды, напасть на мальчишек.

Эти самые мальчишки, каждый на своем тощем скакуне, оказались под градом бесчисленных ударов, затрещин, оплеух, их хлестали наотмашь прутья, палки, плети. Так им влетело за то, что взлетели в небо. На каждого пришлось по сотне синяков, по дюжине царапин и точно по сорок девять шишек на каждый беззащитный череп.

– Эй, мне расквасили нос! В кровь! – радостно ахнул Том, разглядывая свои красные пальцы.

– Плюнь! – крикнул Пифкин; он влетел в облако сухим, вылетел мокрым-мокрехонек. – Чепуха! Мне подбили глаз, дали в ухо и выбили зуб!

– Пифкин! – воззвал к нему Том. – Ты все твердил, чтобы мы тебя искали, а мы понятия не имеем... Где?

– В воздухе! Везде! – сказал Пифкин.

– Во дает! – пробормотал Генри Хэнк. – Да ведь вокруг земли накручено два триллиона сто миллиардов девяносто девять миллионов акров воздуха! На каждом из них искать Пифкина?

– Я хотел сказать... – Пифкин задохнулся.

Прямо перед ним целая толпа метел пустилась в пляс, руки в боки, встала стеной, как кукуруза в поле или как деревенский плетень, внезапно

спятивший или сбесившийся.

Облако – раздутая бесовская харя – разинуло пасть. Оно проглотило Пифкина вместе с метлой, потом захлопнуло рот, и в глубине его туманного чрева послышалось урчание – видно, от Пифкина у него начались колики.

– Пробивайся наружу, Пифкин! Лягни его в пузо! – крикнул кто-то.

Но никто не лягался в брюхе у облака, и оно, сытое и довольное, проплыло, смакуя свой вкусный и питательный обед из мальчишки, по Заливу Безвременья к Рассвету Вечности.

– «Ищите меня в воздухе»? – фыркнул Том. – Елки-моталки, да это как в страшной сказке: «Пойди туда, не знаю куда»! Жуть!

– Я вам покажу еще не такую жуть! – сказал Смерч, проплывая мимо на помеле, похожем на мокрую разъяренную кошку на палке. – Хотите поглядеть на ведьм? На колдуний, ведуний, ворожей, колдунов, ведунов, черных магов, демонов, дьяволов? Вы их увидите – во множестве, целыми толпами. Разуйте-ка глаза!

И вправду – внизу, по всей Европе, по всей Франции, по Германии и Испании, ночные дороги так и кишели толпами, шайками, процессиями невиданных грешников, спешащих на север, впопыхах бегущих с юга, от теплого моря.

– Так, так! Скачите, бегите! В сторону ночи – это сюда. В царство мрака – по этой дороге! – Смерч спикировал вниз, пошел на бреющем полете, громко крича над скопищами и толпами, как генерал, ведущий в бой опытных, беспощадных солдат. – Быстрее! В укрытие! Затаись! Переждите век-другой!

– От чего им прятаться? – удивился Том.

– Христиане! Христиане идут! – громко закричали голоса внизу, на дорогах.

Это и был ответ.

Том моргнул и стал всматриваться, паря в воздухе. Все толпы со всех дорог бежали, собирались на уединенных фермах или на перекрестках трех дорог, на сжатых полях, в городах. Старики. Старухи. Беззубые, они в дикой ярости вопили, грозя небу, пока метлы снижались к земле.

– Да-а, – сказал Генри Хэнк, – вот это ведьмы!

– Отдай мою душу в химчистку и повесь сушиться на забор, если ты не прав, мальчуган, – согласился с ним Смерч.

– Вон ведьмы сигают через костры, – сказал Джи-Джи.

– А там – мешают варево в котлах! – сказал Том.

– А те – чертят знаки в пыли, на дворе фермы! – добавил Ральф. – Они что, взаправдашние? То есть я всегда думал...

– Взаправдашние? – Смерч так разобиделся, что чуть не свалился со своей метлы, похожей на взъерошенную кошку. – О вы, святые негодники, великопутаники, будьте мне свидетелями! Да в каждом городишке есть своя ведьма. В каждом городе прячется какой-нибудь древнегреческий жрец-язычник, какой-нибудь римский поклонник карманных божков, и все они удирают по дорогам, залегают в канавах, затаиваются в пещерах от христиан! Да в каждой деревушке из трех домов, на каждой убогой ферме затаились последыши древних религий. Видели, как друидов порубили в щепки? Они прятались от римлян. А теперь римляне, которые бросали христиан голодным львам, сами бегут куда глаза глядят и прячутся подальше. Так все мелкие, идолопоклоннические культы, какие только есть, отчаянно борются за существование. Смотрите, как они удирают, ребятки!

И он был прав.

Костры горели по всей Европе. На всех перекрестках и у каждого стога сена черные силуэты прыгали в облике кошек над языками огня. Котлы кипели. Старые ведьмы изрыгали проклятия. Псы играли раскаленными угольями.

– Ведьмы! Да их видимо-невидимо! – сказал потрясенный Том. – Я и не знал, что их такое множество!

– Толпы, легионы, Том. Европа кишела ведьмами. Ведьмы под ногами, под кроватями, и в погребках, и на чердаках.

– Ну и ну! – сказал Генри Хэнк, гордясь своим костюмом Ведьмы. – Настоящие ведьмы! А они умели разговаривать с покойниками?

– Нет, – сказал Смерч.

– А вызывать дьявола?

– Нет.

– Держать бесов в дверных петлях и выпускать в полночь, с визгом жалобным и воем?

– Нет.

– Лететь на помеле?

– Отнюдь.

– Напускать на людей чих и чох?

– Увы – нет.

– Изводить людей, втыкая булавки в куколок?

– Нет.

– Эгей, да что же они, в конце концов, умели?

– Ничего.

– Ничего! – закричали все мальчишки в страшной обиде.

– Зато они думали, что умеют, ребятки!

Смерч повел свою летучую бригаду на метлах на бреющем полете над фермами, где ведьмы кидали лягушек в кипящие котлы, толкли в ступках сушеных жаб, брали понюшку пыльцы из мумий, кривлялись, корчились от смеха.

– Ну-ка, призадумайтесь. Что значит слово «ведьма»?

– Это... – начал Том, но ничего не успел сказать.

– Ведение, – продолжал Смерч. – Ум. Вот что это значит на самом деле. Знание. Так что каждый мужчина, каждая женщина – у кого хватало мозгов что-то проведать, разведать, сведать, кто хотел знаний – поняли?.. – каждый, у кого ума было не занимать и кто позабыл об осторожности, назывался...

– Ведьма! Ведун! Ведьмак! – закричали ребята.

– И кое-кто из этих знатоков, ведающих и знающих, притворялся ведьмой или знахарем или внушал себе, что видит привидения, бродячих мертвецов или ковыляющих мумий. А если кто-нибудь ненароком умирал в одночасье, они приписывали себе всю честь. Им нравилось верить, что они владеют силой, а на деле они ничего не могли, ребятки, увы и ах, но это чистая правда. Послушайте-ка! Там, за холмом. Все метлы родом оттуда. И туда они все слетаются.

Вяжем метлу мы,
Метла непростая;
В небе угрюмом
Птицей летает!
Ведьме раздолье,
Как ветру в поле, –
Знай погоняет!
С визгом и воем
Волны прибоя
С облачной пеной
В море-Вселенной
Одолевает!

Внизу полным ходом работала фабрика ведьминых метел, все суетились, вырезали палки, вязали метлы, а те, как только их насаживали на палки, в снопах искр вылетали из дымовых труб. А ведьмы прыгали на них с коньков крыш и мчались по звездному небу.

По крайней мере, так казалось мальчишкам, и до них доносилась песня, где-то пел хор:

Вставали ль ведьмы в час ночной,
В полночный час,
И с нежитью и чертовней
Пускались в пляс?
Нет!
Все это – самооговор,
Все – болтовня!
Ну станет ли хвалиться вор,
Что свел коня?
Расхвастались себе во вред
Да на беду!
За этот безобидный бред –
предать суду!
Материками овладел
Безумный страх:
Младенцев, бабок, юных дев
Жгли на кострах!

Толпы свирепствовали, метались по деревням и фермам, с факелами, с проклятиями. Костры пылали от Ла-Манша до берегов Средиземного моря.

Когда в десятке европейских стран
Десятки тысяч «колдунов» и «ведьм»
Плясали в воздухе чудовищный
канкан –
Повешены, другие сожжены, –
Народ честил друг друга: ах,
подсвинок сатаны,
Ух, чертова свинья! Взбесившийся
кабан!

Дикие кабаны, на которых ведьмы сидели как влитые, трусили по черепичным крышам, высекая искры, храпя клубами дыма:

Европу затянул дым ведьминых
костров.
Их судей жгли другие в свой черед.
За что? За пару слов!
Додумались: «Невиноватых – нет!
Все – ложь, все – грех!»
Так что ж нам делать?
– Истребляйте всех!

Дым клубился в небе. На каждом перекрестке болтались на виселицах
ведьмы, вороны слетались, черные, как оперение мрака.

Мальчишки висели в небе, цепляясь за свои метлы, выкатив глаза,
разинув рты.

– Может, кто-нибудь хочет стать ведуном? – помолчав, спросил Смерч.

– О-ой, – сказал Генри Хэнк, дрожа в своих ведьминых лохмотьях. –
Только не я!

– Не позавидуешь, а, мальчуган?

– Не позавидуешь!

Метлы понесли их дальше сквозь дым и копоть.

Они приземлились на безлюдной улице, на открытом месте, и это был
Париж.

Метлы выпали у них из рук – свалились замертво.

15

– А ну-ка скажите, ребята, что нам нужно, чтобы напугать
пугальщиков, нагнать страху на страховальщиков, напустить ужас на
ужасальщиков?

– Самые главные боги?

– Самые главные колдуны?

– Самые большие соборы? – сказал Том Скелтон.

– Молодчина, Том, правильно! Всякая мысль растет, так? Религия
разрастается. И как еще! Воздвигают храмы, которые так велики, что могут
бросить тень на весь континент. Строят башни, которые видны за сто миль.
Строят такой высочайший и величайший храм, что там живет горбун,
звонит во все колокола. Так вот, ребята, помогите-ка мне воздвигнуть храм
кирпичик за кирпичиком, контрфорс за контрфорсом. Давайте построим...

– Нотр-Дам! – закричали восемь мальчишек.

– И у нас есть очень веские причины, чтобы построить Нотр-Дам, потому что... – сказал Смерч. – Прислушайтесь...

Бом!

В небе ударил колокол.

Бом!

– ...На помощь... – прошелестело над ними, когда звон затих.

Бом!

Мальчишки взглянули вверх и увидели, что на недостроенной колокольне, на луне, громоздятся какие-то леса. И на самой верхушке был подвешен бронзовый колокол, звонивший во всю мочь.

А изнутри колокола после каждого удара, рывка, толчка слабый голосок молил:

– На помощь!

Ребята посмотрели на Смерча.

У них в глазах горел один вопрос: Пифкин?

– Встретимся в воздухе! – вспомнил Том. – Так и есть!

Так оно и было: там, в колоколе, болтался вниз головой бедняга Пифкин, вместо языка отбивая удары своей головой. Ну если не сам Пифкин, то его тень, дух, заблудшая душа.

То есть поймите: когда колокол отбивал часы, вместо языка в нем качался живой, из плоти и крови, Пифкин. И его голова ударяла в колокол. Бом! И снова: бом!

– Да ему мозги вышибет! – ахнул Генри Хэнк.

– На помощь! – звал Пифкин, тень, мотавшаяся в пасти колокола, призрак, подвешенный на цепи вверх ногами, чтобы отзванивать четверти часа и полные часы.

– Летите! – крикнули мальчишки своим метлам, но те лежали замертво на парижской мостовой.

– Испустили дух, – мрачно пробормотал Смерч. – Ничего не осталось – ни духу, ни огня, ни задора. Ну что ж... – Он потер пальцами подбородок, так что искры брызнули во все стороны. – Как нам забраться в такую высь выручить Пифкина?

– Может, вы слетаете, мистер Смерч?

– Э нет, не пойдет. Вы сами должны его спасти, ныне и вечно, снова и снова, до последнего, главного спасения. Погодите-ка. Ага! Блестящая идея! Мы собрались построить Нотр-Дам, точно? Так давайте его строить, мы его непременно построим – и взберемся туда, на самый верх, где висит наш твердолобый, колокольно-звонкий, отбивающий часы Пифкин! Вперед

и выше! Бегите вверх по ступенькам!

– По каким ступенькам?

– Да вот они! Вот! Вот! И вот!

Кирпичи слетались, складывались. Мальчишки прыгнули. И стоило им выбросить ногу вперед, вверх, опустить – как под ногой оказывалась ступенька, единственная. До следующего прыжка.

Бом! – загудел колокол.

– На помощь! – простонал Пифкин.

Ноги мальчишек, бегущих в воздухе, опускались с топотом каблуков, шарканьем, стуком на ступеньку. На следующую.

Ступеньки одна за другой возникали в пустоте.

– Помогите! – сказал Пифкин.

Бом! – гулко откликнулся колокол.

Так они и взбегали по пустоте в пустоту, а Смерч понукал их, даже подпихивал сзади. Они бежали под бликами света, по чистому ветру, но кирпичи, каменные плиты и известковый раствор, тасуясь, как колода карт, метали себя им под ноги, застывая на лету, затвердевая под каблуками.

Им казалось, что они взбегают на слоеный торт, который наслаивается сам собой, слой за каменным слоем, под заполошный звон колокола и жалобный голос Пифкина, умолявший о помощи.

– Вон там – наша тень! – сказал Том.

И вправду – тень от собора, от грандиозного собора Парижской Богоматери, тянулась в лунном свете по всей Франции и наполовину захватывала Европу.

– Выше, ребята, выше! Не ждите, бегите!

Бим-бом!

На помощь!

Они бежали со всех ног. Они стали спотыкаться на каждой ступеньке, но новые ступеньки оказывались на месте и не давали им упасть, а вели их все выше и выше, и тень шпилей тянулась все дальше и дальше, через реки и поля, гасила последние костры ведьм на перекрестках. Ведьмы, бесовки, колдуны, знахари, дьявольские прислужники за тысячу миль отсюда гасли как свечи, курясь дымком, с воем разбегались, прятались куда попало, а собор рос в самое небо, все выше, выше.

– Как римляне срубили друидские рощи и подрубили под корень их бога мертвых, так мы, ребята, этим храмом отбрасываем такую тень, в которой ни одной ведьме не выжить, а жалкие колдунишки и потрепанные волшебники пикнуть не смеют. Конец мелким колдовским кострам. Одна лишь великолепная пламенеющая свеча – Нотр-Дам. Вперед!

Мальчишки залились счастливым смехом.
Потому что последняя ступенька утвердилась у них под ногами.
Они добежали до верха, запыхавшись.
Собор Парижской Богоматери был построен, завершен.
Бом! – негромко пробило очередной час.
Громадный бронзовый колокол содрогнулся.
И опустел.
Мальчишки наклонились, заглядывая в его разверстый зев.
Внутри не было никакого языка, похожего на Пифкина.
– Пифкин! – окликнули они.
– ...кин, – прошелестело эхо, как из пещеры.
– Он где-то здесь. Он же обещал встретиться с вами в воздухе. А
Пифкин всегда держит слово, – сказал Смерч. – Посмотрите вокруг,
ребятки. Отличная работа, а? Вместо того чтобы трудиться не покладая рук
несколько веков – пробежались, отдышались, и все? Ах ты, да ведь тут не
хватает не только Пифкина. А чего? Смотрите! Ищите! Ну?
Мальчишки озирались в полном недоумении.
– Э-э-э-э...
– Вам не кажется, что постройка ужасно скучная, а? Унылая, ничем не
украшенная...
– Горгульи!
Все обернулись, уставились на... Уолли Бэбба, который вырядился
Горгульей на Канун всех святых. Он просиял от гордости.
– Горгульи! Здесь нет ни одной горгульи, ни одной химеры.
– Горгульи. – Смерч произнес диковинное слово отдельно, тягуче,
смакуя, ощупывая его своим языком ящерицы. – Горгульи. А не рассадить
ли нам их по местам, а, ребятки?
– Как?
– Пожалуй, можно просто свистнуть им – и они тут как тут! А ну
свистите, зовите сюда бесов, свистите чертям, зовите залиvistым свистом
адских чудовищ и клыкастых ночных тварей!
Уолли Бэбб набрал полную грудь воздуха.
– Я готов!
Да как свистнет!
Все засвистели.
А чудища?
Они примчались со всех ног.

Находившиеся не у дел, неприкаянные существа по всей полуночной Европе встряхнулись разом и воспрянули от каменного своего сна.

А это значит, что все средневековые гербовые звери, все стародавние сказки, древние кошмары, все ветхие заштатные демоны, все погибавшие в небытии ведьмы, все вздрогнули, заслышав зов, и понеслись, поднимая пыльные смерчи, по всем дорогам, бесшумно полетели по воздуху, прорвались, как заряды дроби, сквозь кроны потрясенных деревьев, перебрали ручьи, переплыли реки, пронеслись выше леса стоячего и ниже облака ходячего – и прибывали, валили валом.

Более того, это значит, что все поверженные статуи, все идолы, полубоги и полубожки со всей Европы, которые усыпали землю, как жуткий нетающий снег, заброшенные в развалинах, вдруг встрепенулись, открыли глаза и выползли – саламандрами на дороги, летучими мышами в небеса, дикими собаками динго в чащи. Они летели, скакали галопом, ползли, извиваясь.

Все это сопровождалось восторгом и удивлением, а также нестройными криками мальчишек, облепивших парапет, и сам Смерч глядел, наклонившись, вниз, как с севера, юга, востока и запада прибывают полчища диких чудищ, в панике и неразберихе толкуются у ворот и ждут, когда им свистнут.

– Может, польем их расплавленным свинцом?

Мальчишки увидели, что Смерч улыбается.

– Да бросьте вы! – сказал Том. – Горбун уже пробовал это давным-давно.

– Ладно, значит, никаких котлов со свинцом. А не свистнуть ли нам, чтобы летели сюда?

И все разом засвистели.

Повинуясь призыву, все полчища, стада, прайды, лавины, сборища, бешеные стремнины чудищ, страшилищ, вздыбленных воплощений зла, подпорченных добродетелей, совратившихся святых, заблудших гордецов, самолюбий, лопнувших, как проколотые пузыри, подтягивались, вползали, сыпались дождем, взбегали по отвесным стенам Нотр-Дама. Словно бурный прибой кошмарных видений, валом, с воем и топотом, они захлестнули собор, примостились на каждом зубце, застыли на каждом торчащем камне.

Вот тут скакали свиньи, а там – черти в козлином облике, а на дальней

стене явились отродья сатаны, которые на ходу меняли свой облик – сбрасывали рога, отращивали новые, теряли бороды, а вместо них прытко росли извивающиеся как черви усы.

Кое-где на штурм стен, шурша, ползли скопища масок и личин, взбирались на высокие контрфорсы с помощью армии лангетов и ковыляющих омаров. Вон там лезут гориллы головы, зубастые и страшные, как смертный грех. А вон человечьи головы с зажатými в зубах колбасами. А за ними поспешает маска Шута, которую поддерживает паук, обученный балету.

Творилось такое, что Том сказал:

– Боже ты мой, что творится!

– То ли еще будет, смотрите! – сказал Смерч.

Мало того что Нотр-Дам взяли приступом разные чудища и жуткие рожи на паучьих ножках, хари и личины – теперь явились еще драконы, норовившие проглотить улепетывающих детишек, и киты, заглатывающие пророка Иону, и колесницы, битком набитые черепами и скелетами. Акробаты и воздушные гимнасты, изуродованные до неузнаваемости бесенятами, ковыляли, падали и застывали в причудливых позах на крыше.

Всему этому аккомпанировали свиньи на арфах, поросята на флейтах-пикколо, собаки наяривали на волынках, так что сама музыка помогала колдовству, заманивая новые толпы уродцев на стены собора, где они навеки прилипали, приставали к крыше, обращаясь в камень.

Вот обезьянка пощипывает струны лиры, а там – трепыхается дева с рыбьим хвостом. Откуда ни возмись, прилетел сфинкс, сбросил крылья, стал наполовину женщиной, наполовину львом и улегся подремать на долгие века под высокими и гулкими колоколами.

– Ой, а это кто? – крикнул Том.

Смерч наклонился вниз и фыркнул:

– Это... да это же Грехи, ребята! И разные неопиcуемые существа. Вон там, например, ползет Угрызение Совеcти.

Они посмотрели, как оно ползет. Оно ползло бойким червячком, очень ловко.

– Ну, – громко прошептал Смерч. – Пора. Рассаживайтесь. Дремлите. Засыпайте.

Стаи диковинных существ повернулись раза по три на месте, как злые собаки, и улеглись. Все чудовища утвердились как влитые. Все гримасы застыли в камне. Все вопли утихли.

Луна заливала светом, пятнала вырезными тенями химер и чудовищ Нотр-Дама.

– Ты понимаешь, что к чему, Том?
– А как же. Все древние боги, сны незапамятных времен, все кошмары темных веков, все старые позабытые выдумки подыхали от безработицы, а мы им дали работу. Мы их сюда вызвали! Мы их вызволили!
– И здесь они останутся на долгие века, верно?
– Верно!
Они переглянулись и посмотрели за парапет.
Толпы зверей расселись на восточной зубчатой стене.
Стаи грехов – на западной стене.
Полчища кошмаров – на южной.
И мелкая россыпь несказанных пороков и падших добродетелей – на северной.
– Знаете, – заявил Том, гордясь плодом ночного строительства, – пожалуй, я бы не отказался пожить здесь.
Ветер негромко запел, вылетая из губ зверей, свистя в зубах, шурша в оскаленных клыках:
– Благодарсссссствуй...

17

– Иосафат, – сказал Том Скелтон, стоя на парапете. – Да мы вызвали сюда всех каменных грифонов и чертей. А вот Пифкин опять потерялся. Я подумал: а что, если свистнуть и ему?
Смерч расхохотался так, что из-под его капюшона словно раскаты грома загревели в ночи, а сухие кости застучали одна о другую.
– Ребятки! Оглянитесь вокруг! Он где-то здесь!
– Где?
– Ту-ут, – уныло откликнулся далекий голосок.
Мальчишки едва не сломали себе спины, перевешиваясь через парапет, едва не свернули шеи, глядя вверх.
– Глядите, ищите, ребята, играйте в прятки!
Они искали и поневоле вновь восхитились причудливо вздыбленными черепицами собора, украшенными кошмарами, обрамленными неотразимо уродливыми, плененными камнем тварями.
Как разыскать Пифкина среди всех этих чудищ морских бездонных глубин, разинувших немые челюсти как бы для вечного вздоха, вечной жалобы? Где он затерялся среди этих чудесно выточенных бредовых видений, рожденных во чреве ночных кошмаров, чудовищ, высеченных

древними землетрясениями, извергнутых из пасти взбесившихся и остывающих, застывающих каменными страшилищами и химерами вулканов?

– Я тут! – простонал далекий, еле слышный, знакомый голос.

Там, внизу, на карнизе, на половине высоты собора, мальчишки, щуря глаза, разглядели, кажется, единственное маленькое круглое лицо ангела-бесенка, узнали знакомые глаза, нос, лукавый и нежный рот.

– Пифкин!

С криком они сорвались и помчались вниз по лестницам и темным коридорам, пока не спустились к карнизу. Там, далеко в воздухе, на ветру, над узкой перекладиной, перекинутой через бездну, виднелось лицо, маленькое и такое прелестное на этом пиршестве уродств.

Том пошел первый, не глядя вниз, раскинув руки.

Ральф двинулся за ним. Остальные неуверенно пробирались следом.

– Осторожней, Том, не свались!

– Не свалюсь! Вот он, Пиф!

Это и вправду был он.

Стоя цепочкой прямо под каменной маской на вытянутой шее, под высунувшейся по пояс из камня горгульей, они не могли наглядеться на его благородный профиль, на неотразимый курносый нос, гладкие щеки, пышную шапку курчавившихся мрамором волос.

Пифкин.

– Пиф, чтоб ты лопнул, зачем ты туда забрался? – окликнул Том.

Пиф не отвечал.

Губы у него были высечены из камня.

– Да ну, это просто кусок камня, – сказал Ральф. – Просто горгулья торчит здесь с незапамятных времен, смахивает на Пифкина, и все.

– Нет, я слышал его голос.

– Как это ты мог...

И тут ветер ответил на вопрос.

Он закружился вокруг высоких башен Нотр-Дама. Он засвистел флейтой в ушах горгулий, загудел волынкой в их разинутых ртах.

– Ахххх... – зашелестел голос Пифкина.

У мальчишек зашевелились волосы на затылке.

– О-о-о-о-о, – простонал каменный рот.

– Слушайте! Слышите? – завопил Ральф.

– Да тише ты! – оборвал его Том. – Пиф, а Пиф? В следующий раз, как задует ветер, скажи, как тебе помочь. Как тебя туда занесло? Как нам тебя оттуда снять?

Налетел новый порыв ветра, мешая им дышать, и засвистел в зубах мальчишки, высеченного из камня.

– Один... – сказал голос Пифкина, – вопрос, – выдохнул он, помолчав. Безмолвие. Новый порыв ветра.

– ...за...

Мальчишки ждали.

– ...раз...

– Один вопрос за раз! – перевел Том.

Мальчишки покатались со смеху. Да, это точно Пиф, а кто же еще!

– Ладно. – Том сглотнул слюну. – Что тебя туда занесло?

Унылый ветер дул, теряя силу, и голос донесся как из глубины заброшенного колодца:

– Носило... Повсюду... сотни мест... считанные часы...

Мальчишки ждали, сжав зубы.

– Говори же, Пифкин!

Ветер вернулся, жалобно застонал в открытых каменных губах.

Нет – ветер замер.

Хлынул дождь.

Но это было то, что надо!

Капли дождя, прохладные и пронырливые, юркнули в каменные уши Пифкина, полились по носу, фонтаном забили из мраморного рта, так что слог за слогом потекли у него с языка, сливаясь в прозрачные струйки дождя, слитную речь:

– Эй-й! Вот это славно!

С губ у него слетали облачка тумана, брызги дождя:

– Побывали бы вы там, где я был! Ух ты! Меня схоронили вместо мумии! Меня загнали в собаку!

– Мы узнали тебя, Пифкин!

– И вот я здесь, – говорил дождь, стекая в уши, струясь с кончика носа, вытекая хрустальной струйкой из мраморных губ. – Здорово, смешно, чудно – сижу в камне, а рядом, для компании, куча страшилищ и нечисти! И кто знает, куда меня занесет через десять минут, где я окажусь – еще выше? или в глубоченной могиле?

– Где же, Пифкин?

Мальчишки сгрудились кучкой. Дождь налетал порывами, лил как из ведра, едва не смывая их с узкого карниза.

– Ты умер, Пифкин?..

– Пока нет... не весь... – выговорил ледяной дождь в его губах. – Часть меня далеко-далеко, дома, в больнице, а часть – в той египетской

гробнице. Часть меня бродит в траве, в Англии. Часть – здесь. А часть – в таком жутком месте...

– Где?

– Не знаю, не знаю я, ах, ребята, не знаю – то на меня нападает смех, до колик, а через минуту я себя не помню от страха. Вот сейчас, сию минуту, я понял, я знаю – мне страшно. Помогите, друзья. Помогите, пожалуйста, умоляю!

Струйки дождя хлынули у него из глаз, как слезы.

Мальчишки протянули вверх руки – коснуться подбородка Пифкина, утешить его... Но не успели они дотянуться...

С неба ударила молния.

Ослепительная, голубая, белая.

Весь собор содрогнулся. Мальчишкам пришлось уцепиться за рога чертей и за крылья ангелов, чтобы не свалиться вниз.

Гром, дым. Грохот обвала, удары камней.

Лицо Пифкина исчезло. Сбитое ударом молнии, оно пронеслось по воздуху и грянулось оземь, разбилось вдребезги.

– Пифкин!

Но там, внизу, у подножия собора, только искры взлетели и унеслись, как пушок, вместе с пушистой невесомой пылью. Нос, подбородок, тугая щека, ясный глаз, тонко вырезанное ушко – все, все унеслось с ветром, как мякина и мелкий, легкий мусор. Только и было видно, что дымок или душок, как клубочек порохового дыма, улетающий к югу и западу.

– Мексика. – Смерч, умевший чеканить слова, как мало кто на земле, отдельно произнес это слово.

– Мексика? – переспросил Том.

– Последнее дальнее путешествие в эту ночь, – пропел Смерч, по-прежнему растягивая, смакуя слова. – Свистите, ребятки, рычите как тигры, ревите как пантеры, завывайте как кровожадные звери!

– Выть, рычать, реветь?

– Восстановите Змея, мальчики. Воздушного Змея Осени. Прилепите на прежнее место клыки, свирепые глаза, окровавленные когти. Орите громче, чтобы поднялся ветер, скрепил всех вместе и унес нас высоко, все дальше, все дальше. Кричите, ребята, визжите, трубите, вопите!

Мальчишки мялись в нерешительности. Тогда Смерч промчался по карнизу, как будто сбивая на бегу частокол. Он посшибал с карниза всех мальчишек – кого локтем, кого коленом. Мальчишки посыпались вниз, крича и вопя кто во что горазд.

Камнем летя к земле, в ледяной пустоте, они вдруг почували, как под

ними распустился хвост павлина-убийцы, как громадный налитой кровью глаз. На нем загорелись десять тысяч огненных очей.

А это, неожиданно вывернувшись из-за угла, из-за горгулий, прилетел Осенний Змей, новехонький, с иголки, и подхватил их на лету.

Они уцепились за что попало – за раму, за углы, за крестовину, за гудящую как барабан бумагу, за клочки, обрывки, ошметки дышащей зловонием львиной пасти, окровавленного тигрового зева.

Смерч взвился в воздух и зацепился последним. На этот раз ему пришлось быть хвостом.

Осенний Змей парил, поджидая, неся восьмерых мальчишек на клубящейся волне зубов и злобных глаз.

Смерч наострил уши.

Далеко, за сотни миль, по дорогам Ирландии тащились нищие, умирающие с голоду, вымаливая еду у каждого порога. Их крики возносились к ночному небу.

Фред Фрайер, одетый Нищим, встрепенулся.

– Туда! Давайте слетаем туда!

– Нет. Мало времени. Прислушайтесь!

Еще дальше, за тысячи миль, что-то тикало в ночной тишине, как еле слышное постукивание жуков-могильщиков.

– Гробовщики в Мексике. – Смерч улыбнулся. – Прямо на улицах, со своими длинными ящиками, гвоздями и молоточками, тук-тук-тук, заколачивают.

– Пифкина? – прошептали мальчишки.

– Мы слышим, – сказал Смерч. – И летим туда, в Мексику.

И Осенний Змей, гудя, понес их вдаль на прибойной волне ветра в тысячу футов высотой.

Горгульи, трубя в каменные свои ноздри, гудя сквозь мраморные губы, воспользовались тем же ветром, чтобы провить им прощальный привет.

Они парили над Мексикой.

Они зависли над островом, над одним из озер в Мексике.

Они слышали, как далеко внизу в ночи лают собаки. Они видели немногочисленные лодки на озаренном луной озере, скользящие, как водомерки. До них доносились аккорды гитары и высокий, печальный мужской голос.

Далеко-далеко, за утонувшими во тьме границами страны, в Соединенных Штатах, носились стайки ребят, стаи собак, хохоча, таякая, стуча в двери – во все двери подряд, – прижимая к себе драгоценные мешки со сладостями, вне себя от радости – в Канун всех святых.

– А здесь-то... – шепнул Том.

– Что здесь? – спросил Смерч, паря бок о бок с ним.

– Гляньте, здесь...

– И дальше, по всей Южной Америке...

«Да, к югу. Здесь и на юге. Все кладбища до одного. Все погосты – все усеяны огоньками свечей, – подумал Том. – Тысяча свечек на том кладбище, сто – на другом, еще десять тысяч крохотных мерцающих огоньков дальше – на сотню миль, на пятьсот миль, до самого южного хвостика Аргентины».

– Это у них так празднуют...

– El Día Los Muertos. У тебя какая отметка по испанскому, Том?

– День мертвых?

– Carumba, sí! Змей, рассыпья!

Нырнув вниз, Змей распался на кусочки в последний раз.

Мальчишки посыпались горохом на каменистый берег тихого озера.

Над гладью вод стелился туман.

На дальнем берегу озера они увидели темное кладбище. Там пока еще не зажгли ни одной свечи.

Из тумана выплыла долбленая лодка, бесшумно, без весел, словно ее принесло волной прилива.

Высокая фигура, закутанная в серый саван, неподвижно стояла на корме лодки.

Лодка легонько ткнулась носом в травянистый берег.

Мальчишки затаили дыхание. Насколько им было видно, капюшон этой одетой в саван фигуры полнился только мраком, там ничего больше не было.

– Мистер... мистер Смерч?

Они были уверены, что это он, и никто другой.

Но он безмолвствовал. Только еле видная улыбка мелькнула светлячком в глубине капюшона. Костлявая рука сделала пригласительный жест.

Мальчишки, толкаясь, влезли в лодку.

– Ш-ш-ш-ш! – раздался шепот из пустого капюшона.

Фигура повторила свой жест, и они поплыли, от легкого толчка ветра, по черному зеркалу вод, под ночным небом, где горели мириады никогда не

виданных звезд.

Далеко, на том темном острове, тренькнула гитара.

Одинокий огонек свечи загорелся на кладбище.

Кто-то где-то дунул в горлышко флейты, и она издала певучий звук.

Вторая свечка замерцала среди надгробий.

Кто-то пропел одно слово из песни.

Третья свечка затеплилась, зажженная вспыхнувшей спичкой.

И чем быстрее плыла лодка, тем больше гитарных аккордов звучало в ночи, тем больше свечей загоралось среди памятников на каменистых склонах. Засветились дюжина, сотня, тысяча огоньков, пока не стало казаться, что это – звездное скопление, громадная туманность Андромеды упала с небес и легла россыпью огней в самой середине Мексики незадолго до полуночи.

Лодка толкнулась в берег. Ребята от неожиданности попадали с ног. Они вскочили как встрепанные, но Смерч уже исчез. Только сброшенный саван лежал, пустой, на дне лодки.

Гитара звала их. Голос пел для них.

Дорога, похожая на реку – белые камни, белая галька, – вела через город, похожий на кладбище, к кладбищу, похожему на город!

Потому что город обезлюдел.

Мальчишки подошли к невысокой ограде кладбища, к литым чугунным воротам, похожим на кружево. Они ухватились за чугунные завитки и заглянули внутрь.

– Ух ты! – Том был поражен. – В жизни такого не видывал!

Теперь они поняли, почему город обезлюдел.

Потому что на кладбище былолюдно.

Перед каждой могилой склонила колени женщина с букетом азалий, гардений или бархатцев, ставя цветы в каменную нишу.

У каждой могилы стояла на коленях дочь, зажигавшая новую свечку или свечку, только что задутую ветром.

У каждой могилы стоял спокойный мальчик с блестящими карими глазами, и в одной руке у него была крохотная похоронная процессия из папье-маше, приклеенная к плоскому камешку, а в другой – череп из папье-маше, в котором, как в погремушке, перекачивались рис или орехи.

– Смотрите! – шепнул Том.

Там были сотни могил. Сотни женщин. Сотни дочерей. Сотни сыновей. И сотни сотен, тысячи тысяч свечей. Все кладбище заполнили рои огоньков, как будто все светлячки на свете прослышали про Великое Собрание и слетелись, расселись, сверкая, на каменных надгробиях,

освещающая смуглые лица, темные глаза, черные, как вороново крыло, волосы.

– Ну и ну, – сказал Том себе под нос. – Дома мы никогда не ходим на кладбище – разве только в День поминовения, раз в году, да и то средь бела дня, при солнце, разве это удовольствие? А здесь – вот оно – красота!

– Красота! – шепотом прокричали все.

– В Мексике Канун всех святых получше, чем у нас!

И правда: на каждой могилке стояли блюда с пряниками, выпеченными в виде священников, скелетов или призраков, а кто должен лакомиться ими? Живые? Или души, которые возвратятся перед рассветом, голодные, неприкаянные? Никто не мог сказать.

И каждый мальчик там, в ограде кладбища, рядом с сестрой и матерью, положил на могилу миниатюрную похоронную процессию. И было видно, что внутри крохотного деревянного гробика лежит маленький леденцовый человечек и все это стоит перед крохотным алтарем с крохотными свечечками. А вокруг гробика стоят мальчишки-служки с головками из орехов, и на скорлупке нарисованы глазки. А перед алтарем стоит священник, голова у него из кукурузы, а туловище из каштана. А на алтаре – фотография покойного, когда-то живого, а ныне – поминаемого.

– Куда лучше! Нет сравнения! – прошептал Ральф.

– Cuevos! – пропел голос вдалеке, на склоне холма.

На кладбище песню подхватили другие голоса.

Мужчины, жители этой деревни, стояли, прислонясь к стенам, у некоторых в руках были гитары, у других – бутылки.

– Cuevos de los Muertos... – пел далекий голос.

– Cuevos de los Muertos... – пели мужчины внутри ограды, в тени кладбищенских стен.

– Черепа, – перевел Том. – Черепа мертвых.

– Черепа, сладкие сахарные черепа, сладкие, леденцовые черепа, черепа умерших, – пел голос, все ближе и ближе.

И вниз с холма, бесшумно ступая в темноте, спустился Торговец Черепами с горбом на спине.

– Нет, это не горб, – сказал Том вполголоса.

– У него там полный мешок черепов! – вскрикнул Ральф.

– Сладкие черепа, сладкие, белые, хрустящие сахарные черепа, – пел Торговец, и лицо его скрывалось под широченным сомбреро. Но голос, сладко-переливчатый голос был голосом Смерча.

И на длинной бамбуковой жерди, которую он нес на плече, болтались на черных нитках дюжины, десятки сахарных черепов, больших, как их

собственные головы. И на каждом была надпись.

– Имена! Имена! – пел старик Торговец. – Скажи мне свое имя – получишь свой череп!

И старик выдернул из связки один череп. На нем громадными буквами было написано:

ТОМ.

Том взял в руки череп со своим именем, свой собственный сладкий, съедобный череп, и обхватил его пальцами.

– Ральф!

И череп с надписью РАЛЬФ взлетел в воздух. Ральф, заливаясь смехом, поймал его.

Словно быстрота – главное условие игры, старик хватал костлявой рукой и метал, череп за черепом, летучие сладости в прохладном воздухе.

ГЕНРИ ХЭНК! ФРЕД! ДЖОРДЖ! РАСТРЕПА! ДЖИ-ДЖИ! УОЛЛИ!

Мальчишки под этим беглым огнем плясали и визжали, обстреливаемые собственными черепами с их собственными великолепными именами, выложенными сахаром на белом лбу у каждого черепа. Они ловили, едва не роняя, восхитительные ядра, которыми их обстреливали.

Они стояли, разинув рты, уставясь на сахарные сувениры смерти, зажатые в липких пальцах.

А из-за кладбищенской ограды рвалась ввысь песня – ее пели высокие, как сопрано, мужские голоса:

Роберта... Мария... Кончита... Томас.

Calavera, Calavera, сладкий череп –
вот это еда!

Ищи свое имя на белом сахарном лбу!

Скорее сюда, скорее сюда!

Здесь целые груды сахарных белых
костей.

Хрустящих сладостей! Денег нет –
не беда!

Грызи свое имя! Вот это сласти,
вот это да!

Мальчишки подняли сладостные черепа, зажатые в пальцах.

Откуси «Т» и «О» и «М». Том!
Жуй «Г», глотай «Е», грызи «Н»,
соси «Р», кусай «И».
Генри!

У них потекли слюнки. А что, если у них в руках – яд?

Что за блаженство – счастливый час!
Каждый из вас
Насыщается тьмой, питается тьмою
ночной!
Попробуй на вкус! Побольше кус!
Полетай! Сладкие косточки, славные кости – хватай!

Мальчишки поднесли к губам сладкие, сахарные имена и уже готовы были запустить в них зубы...

– Оле!

Толпа мальчишек-мексиканцев налетела на них, крича их имена, выхватывая черепа.

– Томас!

И Том смотрит вслед Томасу, удирающему с его потным подписанным черепом.

– Эй, – сказал Том. – Он здорово похож на меня!

– Неужели? – сказал Торговец Черепами.

– Энрико! – завопил маленький индеец, ухватив череп Генри Хэнка.

Энрико умчался вниз по склону холма.

– Он был похож на меня! – сказал Генри Хэнк.

– Верно, – сказал Смерч. – Быстро, ребятки, видите, что они задумали!

Держитесь за свои сладкие черепушки и прыгайте!

Мальчишки прыгнули.

Потому что как раз в эту минуту внизу раздался взрыв. На улицах города загремели взрывы. Начался фейерверк.

Мальчишки окинули прощальным взглядом букеты, могилы, пряники, лакомства, черепа на надгробиях, миниатюрные похороны с крохотными покойниками в гробиках, свечи, коленопреклоненных женщин, одиноких мальчишек, девочек, мужчин и пустились опрометью вниз по холму – к ракетам, к шутихам!

Том, Ральф и остальные ряженые мальчишки влетели на площадь, пыхтя и отдуваясь. Они резко тормознули, а потом пустились плясать – под ногами у них рвались тысячи маленьких шутих. Горели все фонари. Вдруг открылись все лавки.

И Томас, и Жозе Жуан, и Энрико знай поджигали шутихи и с воплями бросали их.

– Эй, Том, это тебе от меня, Томаса!

Том увидел, как его собственные глаза сверкают на рожице беснующегося мальчишки.

– Эй, Генри! Вот тебе от Энрико! Бах!

– Джи-Джи, вот – Бах! От Жозе Жуана!

– Ух ты, да это самый распрекрасный Канун из всех! – сказал Том.

Это была чистая правда.

Ведь еще никогда во время их необычайных путешествий не попадалось им такое множество диковинок, которые можно посмотреть, понюхать, потрогать.

На каждой дороге, у каждой двери, на каждом окошке громоздились кучи сахарных черепов с прекрасными именами.

С каждой улочки доносился перестук жуков-могильщиков, гробовщиков – тук-тук-тук, заколачивай, забивай, стучи молотком по крышкам гробов, как по деревянным барабанам, под покровом ночи.

На каждом углу были газетные развалы, и там лежали газеты с портретами мэра, разрисованного как скелет, или президента в виде скелета, или самой красивой девушки, одетой ксилофоном, а Смерть наигрывала мелодии на ее музыкальных ребрышках.

– Calavera, Calavera, Calavera, – текла с холма песня. – Смотрите, политиканы погребены в последних новостях. И рядом с их именами – «покойтесь в мире». Такова земная слава!

Смотрите-ка – скелетики кувыркаются,
Друг дружке на плечи взбираются!
Проповедуют с кафедр, дерутся,
играют в футбол!
Малыши-прыгуны, малыши-бегуны,
Крошки-скелетики играют в чехарду, падают на ходу!
Где это видано, где это слыхано –
Смерть превратили в сущую мелочь,
так, в ерунду!

И в песне была правда истинная. И куда бы мальчишки ни бросили взгляд – везде крохотные акробаты, воздушные гимнасты, баскетболисты, священники, жонглеры, эквилибристы, только все они – хоровод скелетиков, рука в руке, косточка в косточке, и все такие маленькие, что можно зажать в кулаке.

А вон там, в окошке, целый микроскопический джаз-банд: скелетик-трубач, и скелетик-ударник, и скелетик, дующий в бас-трубу, не больше столовой ложки, и дирижер – тоже скелетик, в ярком колпачке и с дирижерской палочкой, и микроскопические нотки вылетают из горла крохотных валторн.

Мальчишки в жизни не видели сразу такого множества костей!

– Кости! – смеялись все. – О, чудные косточки!

Песня стала удаляться:

Покрепче в руке темный Праздник
держи,
Грызи и глотай, не думай о смерти!
Выбегай из длинного темного туннеля
El Dia de Muerte.
Счастливый, счастливее всех –
ты живой, ты жив!
Calavera, Calavera...

Траурные, обрамленные черным газеты улетали белыми птицами в похоронной процессии ветра.

Мексиканские мальчишки убежали вверх по склону холма, догонять свою родню.

– Да, чудно, странно, чудно, – шептал себе под нос Том.

– Что? – спросил Ральф, стоявший рядом.

– Да то, что там, у себя в Иллинойсе, мы начисто позабыли, что к чему. Понимаешь, ну... все, кто умер там, в нашем городе, – про них же позабыли! Все их разлюбили. Все их забросили. Никто не приходит посидеть на могилках, поболтать с ними. Представляешь, как им одиноко? Прямо тоска берет.

А вот здесь – ты погляди, а? Горе и счастье, счастье и горе – все вместе. Сплошной фейерверк, игрушечные скелетики здесь, на площади, а там, наверху, на кладбище, у всех мексиканских покойников гости – семья их навещает, полно цветов, свечек, сладостей, все поют. Кажется, что День

благодарения, верно? И все садятся обедать вместе, хотя только половина из них может есть, но разве в этом дело, если все вместе? Похоже на спиритический сеанс, когда держишься за руки с друзьями, только некоторых уже нету в живых. Да, Ральф, чудно...

– Да, – сказал Ральф, кивая головой в маске. – Чудно.

– Смотрите, скорее смотрите вон туда! – сказал Джи-Джи.

Мальчишки посмотрели.

На самой верхушке, на горке из белых сахарных черепов лежал череп с именем ПИФКИН.

Сладкий череп Пифкина, да, но нигде, в кутерьме шутих и ведьминых колес, среди танцующих скелетов и летающих туда-сюда черепов, не было ни пылинки, ни следа, ни звука самого Пифа.

Ребята уже так привыкли к фантастическим выходкам Пифа – ведь он уже и на стенах Нотр-Дама сидел, и в золотом саркофаге ехал, – и сейчас им казалось, что он вот-вот выскочит, как чертик на пружинке, из кучи сахарных черепов, закутанный в белую развевающуюся простыню, и, чтобы напугать их, затянет загробным голосом что-нибудь похоронное.

Нет. Вдруг оказалось, что Пифа нет. Нет его.

И может, никогда больше не будет.

Мальчишек затрясло. Холодный ветер нагнал туману с озера.

Вдоль по пустынной ночной улице, выйдя из-за угла, шла женщина. На плече у нее было коромысло с двумя одинаковыми чашами, полными раскаленных углей. Розовые груды жарких углей выпускали рои огненных светляков-искр, ветер подхватывал их и уносил вдаль. Там, где ступала она босой ногой, оставалась дорожка мелких, быстро гаснущих искр. В полном безмолвии – слышался только шорох скользящих шагов – она свернула в переулок и скрылась из виду.

Следом за ней шел мужчина, неся на голове – без усилий – маленький, легкий, почти невесомый гробик.

Это был просто ящичек, сколоченный из белых, некрашенных досок, забитый наглухо. На боках и крышке ящичка были прибиты дешевые розетки из фольги и сделанные из лоскутков шелка и бумаги искусственные цветы.

А в этом ящичке лежал...

Мальчишки провожали глазами похоронную процессию, или, скорее,

пару. Да, пару – человек и ящичек, и еще то, что лежало там, внутри.

Человек, сохраняя торжественное спокойствие, держа гробик на голове в равновесии, вошел, не преклоняя головы, в церковь, стоявшую неподалеку.

– Н-н-н-неужели... – заикаясь, пробормотал Том. – Неужели там – Пиф, в этом ящичке?

– А ты как думаешь, сынок? – спросил Смерч.

– Не знаю я! – закричал Том. – Одно знаю: с меня хватит! Ночь слишком долгая. Я столько всего навидался. Да я теперь все знаю, все досконально.

– И мы, – загудели остальные, сбиваясь в кучу, дрожа дрожмя.

– И нам пора домой! Куда девался Пифкин, где он? Живой он или нет? Мы можем его спасти? Куда он пропал? Или мы опоздали? Что нам делать?

– Что делать? – закричали они все вместе, и тот же вопрос горел в их глазах. Все мальчишки вцепились в Смерча, словно хотели вытянуть из него ответ, встряхнуть, дергая его за локти.

– Что нам делать?

– Чтобы спасти Пифкина? Последнее дело осталось. Ну-ка, смотрите вверх, на это дерево!

На дереве висело с дюжину горшков-пиньят: черти, призраки, черепа, ведьмы – болтались, качаясь на ветру.

– Разбейте свои пиньяты, ребятки!

Откуда ни возьмись у них в руках оказались палки.

– Бейте!

С воплями они принялись бить наотмашь. Пиньяты словно взорвались.

Из пиньяты в виде скелета посыпался дождь крохотных листьев-скелетиков. Они роем налетели на Тома. Ветер подхватил и унес скелетики-листья, а с ними и Тома.

Из пиньяты-мумии высыпались сотни хрупких египетских мумий, они вихрем унеслись в небо, унося Ральфа.

Так каждый мальчишка разбивал пиньяту, она лопалась и выпускала мелкие, как мошки, толкущиеся в воздухе копии его самого: черти, ведьмы, призраки с пронзительным писком облепляли мальчишку, и все листики, все мальчишки неслись, кувыркаясь, в небе, а Смерч закатывался хохотом им вслед.

Они пролетели рикошетом последние окраинные улочки города. Они плюхались и скользили, как плоские камни по глади озера, делая «блинчики»... и наконец приземлились – кувырком, в путанице локтей и своих и чужих коленок – на далеком склоне холма. Они сели на землю.

Они очутились посреди заброшенного кладбища, где не было ни души, ни огонька. Только надгробия, похожие на великанские свадебные торты, покрытые, как глазурью, лунным светом.

Пока они приходили в себя, Смерч плавно и легко приземлился и сразу стремительно, гибко склонился к земле. Он ухватился за железное кольцо, торчавшее из земли. Потянул. Взвизгнули петли, откинулась крышка люка, разевая черную пасть.

Мальчишки сгрудились на краю глубокой ямы.

– К-ка-катакомбы? – еле выговорил Том. – Катакомбы?

– Катакомбы. – И Смерч указал пальцем вниз.

В пыльную глубину сухой земли вели ступеньки.

Мальчишки проглотили слюну – в горле пересохло.

– А что, Пиф там, внизу?

– Ступайте, выведите его наверх, ребята.

– Он там совсем один, внизу?

– Не совсем. С ним кое-кто есть... Или Кое-Что. Кто пойдет первым?

– Чур, не я!

Молчание.

– Я, – сказал Том.

Он поставил ногу на первую ступеньку. Начал уходить в землю. Сделал второй шаг. И вдруг пропал.

Остальные бросились за ним.

Они спускались по ступенькам гуськом, и с каждым шагом вниз темнота становилась все непрогляднее, а безмолвие все безмолвнее, и с каждым шагом вниз ночь становилась глубокой, как колодец, налитый тьмой крошечной, и с каждым шагом вниз казалось, что тени, затаившиеся в стенах, вот-вот выпрыгнут из них, и с каждым шагом вниз казалось, что какие-то странные обличья ухмыляются им навстречу из глубокой пещеры, ждущей в глубине. Казалось, что летучие мыши гроздьями повисли над самой головой, издавая такой тонкий писк, что его и не услышишь. Этот звук могут слышать собаки – и тогда они, взбесившись со страху, опрометью бросаются удирать, не разбирая дороги. С каждым шагом вниз город оставался все дальше, дальше уходила земля и все добрые люди на земле. Даже кладбище осталось где-то далеко-далеко наверху. Мальчишкам стало страшно. Они почувствовали себя такими позабытыми, позаброшенными, что едва не разревелись.

Потому что с каждым шагом они уходили еще на миллиард миль от жизни, от теплых постелей и ласковых огоньков свечей, от голоса матери, от дымка из отцовской трубки, от его покашливания по вечерам, когда ты

лежишь и радуешься, что он здесь, рядом, хотя и в темноте, он живой, он ворочается во сне и может запросто отколошматить всякого, кто к тебе полезет.

Так, шаг за шагом, они спустились к подножию лестницы, заглянули в глубокую пещеру, похожую на длинный зал.

И там было много народу, и все вели себя на диво спокойно.

Они покоились там долгие годы.

Некоторые покоились тридцать лет.

Некоторые молчали сорок лет.

Некоторые не проронили ни слова за семьдесят лет.

– Вот они, – сказал Том.

– Мумии? – спросил кто-то дрожащим шепотом.

– Мумии.

Они вытянулись в длинный ряд, прислоненные к стенке. Пятьдесят мумий стояли вдоль правой стены. Пятьдесят мумий стояли вдоль левой стены. А четыре мумии стояли в дальнем конце, в темноте. Сто четыре сухих, как гробовой прах, мумий – куда более заброшенные, чем мальчишки, куда более одинокие, чем могут быть живые, покинутые здесь, заточенные в глубине, так далеко от собачьего лая, от светлячков, от чудесных мелодий, которыми наполнили ночь голоса мужчин и струны гитар.

– Ой, ой-ей-ей! – сказал Том. – Сколько их тут, бедолаг! Я про них слышал.

– Что?

– Это бедняки, их родные не смогли платить налог за могилы, и вот могильщики выкопали бедняг и снесли их сюда. А земля здесь такая сухая, что они все превратились в мумии. Вы только поглядите, во что они одеты.

Мальчишки пригляделись – кое-кто из этих стародавних людей был одет в крестьянское платье, а женщины – в деревенские юбки, на некоторых были ветхие черные костюмы, городские, а один – видно, тореадор – был наряжен в потускневший от пыли костюм, шитый золотом и мишурой. Но каков бы ни был костюм, внутри были только сухие косточки да кожа, паутина и пыль, которая сыпалась с их ребер, стоило рядом чихнуть, нарушив их покой.

– А это что?

– Что «что»?

– Тш-ш-ш-ш!

Все наострили уши.

Они вглядывались в глубину длинного склепа.

Мумии глядели на них пустыми глазницами. Ждали – с пустыми

руками.

А на самом дальнем конце глубокого темного подземелья кто-то плакал.

– А-а-а-ах... – доносилось до них. – О-о, – рыдал кто-то. – И-и-и-и, – и тихие, горестные всхлипывания.

– Да это, ребята, это же Пиф! Я только раз слышал, как он плачет, но это он, точно, Пифкин. Он заточен здесь, в подземелье.

Мальчишки всматривались, широко раскрыв глаза.

И они увидели – в сотне футов, вдалеке, съежившись в углу, загнанный в самый дальний угол подземелья, кто-то маленький – шевелится! Плечи вздрагивают. Голова прижата к груди, прикрыта дрожащими руками. Скрытый руками рот жаловался, кривился от страха.

– Пифкин?..

Плач замолк.

– Это ты? – прошептал Том.

Долгое молчание, всхлипывающий вздох – голос:

– Я...

– Пиф, ради всего святого, что ты тут делаешь?

– Не знаю!

– Выходи, а?

– Нет, не могу. Боюсь!

– Слушай, Пиф, если ты останешься здесь...

Том замолчал.

«Пиф, – думал он, – если ты останешься здесь, то навсегда, пойми.

Ты останешься здесь, в тишине и заброшенности. Ты так и будешь стоять в этой длинной очереди, и туристы будут приходить поглазеть на тебя и становиться в очередь за билетами, поглазеть еще разок. Ты...»

– Пиф! – сказал Ральф из-под маски. – Ты должен отсюда выйти.

– Не могу, – зарыдал Пиф. – Они не пустят.

– Они?

Но все догадались, что он говорит о длинной череде мумий. Чтобы выбраться, ему надо было пробежать, как сквозь строй, между двумя рядами кошмаров, таинственных ужасов, напастей, наваждений, нежити.

– Они ничего тебе не сделают, Пиф.

Пиф сказал:

– Нет, они все могут.

– ...могут... – подтвердило эхо из глубины подземелья.

– Я боюсь выходить.

– А мы... – начал Ральф.

«...Боимся входить», – подумали все.

– Надо бы выбрать того, кто похрабрее... – начал Том и осекся.

Потому что Пифкин снова заплакал, и мумии стерегли и ждали, а ночь в длинном склепе была так беспросветна, что стоило сделать шаг – и пол расступится, проглотит тебя, и тебе уж нипочем не выбраться, не выкарабкаться. Пол скует твои щиколотки костлявым мрамором и будет держать мертвой хваткой, пока подземный холод не заморозит тебя на веки веков, не превратит в сухую, иссохшую статую.

– А может, двинуть всем сразу, кучей, а? – сказал Ральф.

И все попытались двинуться вперед.

Как громадный паук на многих ножках, они попробовали проползти сквозь дверь. Два шага вперед, один – назад. Один шаг вперед, два шага – назад.

– А-ах! – зарыдал Пифкин.

От этого звука они шарахнулись друг на друга, что-то бормоча в диком ужасе, подвывая, они откатились обратно к двери. Они слышали, как колотятся сумасшедшие сердца – и свое, и чужие.

– Ох, да что же это такое, что нам делать – он боится выйти, мы боимся войти, да что же нам делать, как быть? – причитал Том.

А у них за спиной, прислонившись к стене, стоял Смерч. Про него все забыли. В его оскаленных зубах язычком пламени мелькнула и погасла улыбка.

– Держите, ребята. Это его спасет.

Смерч достал из-под своего черного плаща знакомый белосахарный череп, на лбу которого было написано: ПИФКИН!

– Спасайте Пифкина, ребята. Заключайте сделку.

– С кем?

– Со мной и другими, которых я не назову. Здесь. Разломите этот череп на восемь вкуснящих кусочков и раздайте всем. «П» тебе, Том, «И» – тебе, Ральф, половина от «Ф» – тебе, Хэнк, вторая половинка – тебе, Джи-Джи, кусочек «К» – тебе, мальчуган, а кусочек – тебе, вот еще «И» и последняя – «Н». Берите сладкие кусочки, ребята. Вот наша темная сделка. Хотите, чтобы Пифкин был жив?

На него обрушился такой шквал возмущения, что Смерч едва не отступил. Мальчишки налетели на него, как стая собачонок, вопя во все горло, – как он посмел усомниться, что они хотят видеть Пифкина живым!

– Ну ладно, ладно, – успокоил он их. – Вижу, что вы хотите, и без дураков. Хорошо. Готов ли каждый из вас отдать ему один год в конце своей жизни, а?

– Что? – сказал Том.

– Я говорю серьезно, мальчики: один-единственный год, один драгоценный год жизни, когда от нее останется лишь маленький огарок. Если вы скинетесь по годику, то сможете выкупить Пифкина из мертвых.

– По годику!

Шепот, ропот, неслыханная сумма подсчета – недоумение. Трудно было сразу понять. Один год, да еще так не скоро, – его и не заметишь. Мальчишке одиннадцати-двенадцати лет не понять семидесятилетнего старика.

Год? Годик? Ясно, конечно, в чем вопрос? Само собой...

– Думайте, ребята, думайте! Это не шуточка – сделка с тем, у кого нет имени. Я не шучу. Это все взаправду, на самом деле. Вы принимаете суровые условия, и это серьезная сделка. Каждый из вас обещает отдать один год. Сейчас-то вы этот годик и не заметите, вы слишком юны, и я читаю в ваших мыслях, что вы не способны даже вообразить себе, как это будет. Только много лет спустя – лет через пятьдесят, с этой ночи, или лет через шестьдесят, с этого рассвета, когда время для вас потечет быстрее, иссякнет, вы будете от всей души желать прожить еще денек-другой, посидеть на солнышке, порадоваться на мир, и вот тогда-то придет некий мистер Р (то есть – Рок) или миссис К (то есть Костлявая) и предъявит вам счет к оплате. А может, и сам я приду, мистер Смерч собственной персоной, старый друг вашей юности, и скажу: «Платите». Так что обещанный год придется отдать. Я скажу: «Отдавайте», и вам придется отдать. Что это будет значить для каждого из вас? А вот что. Тот, кто мог бы прожить семьдесят один год, должен умереть в семьдесят. А кому довелось бы дожить до восьмидесяти шести, придется расставаться с жизнью в восемьдесят пять. Возраст преклонный. Кажется, годом больше, годом меньше – невелика разница. Но когда пробьет час, ребятки, вы можете об этом пожалеть. Правда, зато вы сможете сказать: этот год я потратил не зря, я отдал его за Пифа, я жизнью выкупил славного Пифкина, самого дорогого друга, какой только жил на земле. Спас самое лучшее яблоко, готовое упасть с осенней яблони. Кое-кому из вас придется вместо сорока девяти лет подвести черту в сорок восемь. А кое-кто должен уснуть вечным сном не в пятьдесят пять, а в пятьдесят четыре. Ну, теперь вы понимаете все как есть? Можете сложить и вычесть? Арифметика вам ясна? Кто прозакладывает триста шестьдесят пять дней своей собственной, личной жизни, чтобы вернуть Пифкина? Думайте, ребята. Помолчите. Потом говорите.

Наступила напряженная тишина – как в классе, когда все ученики

впопыхах складывают и вычитают в уме.

И они на диво быстро справились с подсчетами. Вопрос был решен сразу, хотя они и понимали, что через многие годы могут пожалеть о поспешном решении, о роковой опрометчивости. Но что же им оставалось? Только плыть саженками от берега, спасти утопающего мальчишку, пока он в последний раз не ушел, как под воду, в жуткую могильную пыль.

– Я... – сказал Том. – Я даю год.

– И я, – сказал Ральф.

– Пишите меня, – сказал Генри Хэнк.

– Я! Я! Я! – наперебой кричали все остальные.

– Вы поняли, что даете в залог, мальчики? Значит, вы и вправду любите Пифкина?

– Да, да!

– Быть по сему, ребята. Грызите, глотайте, сосите, хрустите.

И они сунули сладкие осколки сахарного черепа себе в рот. Они грызли. Они глотали.

– Глотайте тьму, ребята, расставайтесь с годом жизни. – Они глотали торопясь, и от этого, видно, глаза у них разгорелись, в ушах стучало, а сердца громко бились.

Им показалось, будто птицы стайкой выпорхнули у каждого из грудной клетки, вылетели из тела и унеслись прочь невидимками. Они видели, но не могли разглядеть, как подаренные ими годы пролетели над миром и где-то сели, опустились – честная расплата по невиданным долговым обязательствам.

До них донесся отчаянный крик:

– Я здесь!

И еще:

– Я!..

И еще:

– Бегу-у-у!

Топ, топ, топ – три слова, три раза стукнули по каменному полу каблуки ботинок.

И вдоль подземелья, меж двух рядов мумий, наклонившихся, чтобы перехватить его, но бессильных, среди неслышимых криков и улюлюканья, обезумевший, сломя голову, опрометью, со всех ног, вскидывая колени, работая локтями, раздувая щеки, сопя носом, с зажмуренными глазами, топя, топ-топтопя по полу, изо всех сил бежал – Пифкин.

Ну и мчался же он!

– Смотрите, вон он! Давай, Пиф!

– Пиф, ты уже на полдороге!

– Надо же так нестись! – наперебой говорили мальчишки, рты у них еще были набиты сладкими обломками черепа с драгоценным именем Пифкина, которое навязло у них в зубах, сахарным именем, стекающим в горло, славным именем Пифкина на языках! Пиф, Пиф, Пифкин!

– Жми, Пифкин! Не оглядывайся!

– Не споткнись!

– Вот он, уже три четверти пробежал!

Пиф мчался сквозь строй. Он был отличный бегун, смелый, быстрый, как молния. Он миновал сотню коварных мумий, не задев ни одной, ни разу не оглянулся – и вышел победителем.

– Ты выиграл, Пиф!

– Пиф, ты в порядке!

Но Пиф не остановился. Он промчался не только сквозь строй мертвецов, но и сквозь кучку теплых, живых, вспотевших, орущих мальчишек.

Он распахал их, взбежал вверх по лестнице, скрылся.

– Пиф, все в порядке, ты куда?

Они побежали по лестнице – догонять.

– Куда это он, мистер Смерч?

– Насколько я могу судить, – сказал Смерч, – он с перепугу убежал прямо домой.

– А Пифкин спасен?

– Надо убедиться, посмотреть. Вверх!

Смерч закрутился на месте со страшной скоростью. Его раскинутые руки рассекали воздух. Он вращался так быстро, что образовался вакуум, возник маленький единоличный циклон. И этот смерч всасывающей воздух воронкой захватил мальчишек – кого за ухо, кого за нос, за локоть, за палец на ноге.

Как сорванные с дерева листья, все восемь мальчишек с реактивным воєм вознеслись в небеса. Смерч, в бешеной круговерти, камнем падал ввысь. Мальчишки тоже – насколько это возможно – канули вверх, низверглись следом за ним. Они ударили по облакам, как заряд шрапнели. Они летели за вожаком, как стая птиц, спешащих на север, опережая весну.

Земля словно бы поворачивалась с севера на юг. Тысячи деревушек и городов проплывали внизу, в созвездиях огней на кладбищах, по всей Мексике, в гирляндах тыков с мерцающими внутри свечками, к северу от границы, по всему Техасу, по Оклахоме, Айове, и наконец-то – Иллинойс!

– Мы дома! – закричал Том. – Вон ратуша, а вон мой дом, а там

Праздничное дерево! Дерево всех святых!

Они сделали круг над ратушей, два круга над горящим тысячами огненных тыков Деревом и, наконец, последний круг – над высоким домом Смерча, со множеством башенок, множеством комнат, множеством зияющих окон, высоко торчащих громоотводов, балюстрад, чердаков, завитков, и дом со скрежетом закачался от ветра, который они подняли. Пыльный салют из окон приветствовал их. На других окнах ставни широко разевались, как будто торопясь высунуть свои древние языки и «показать горлышко» маленьким докторам нездешних наук, прилетевшим на крыльях ветра. Привидения осыпались, как лепестки белых цветов, увядавших на глазах в тот миг, когда они проносились мимо.

Кружа над домом, они увидели, что он подобен вечному, всеобщему Кануну всех святых. И Смерч крикнул им то же самое, размахивая старческими руками в древних шелках и паутине: он встал ногами на крышу и звал ребят к себе, указывая в глубь дома через громадное застекленное окно в крыше: через него можно было заглянуть на все этажи, до самого дна.

Мальчишки столпились вокруг застекленного люка и заглянули в пролет лестницы, проходившей на каждой площадке через разные времена, разные сцены – там люди или скелеты извлекали ужасные звуки из флейт-позвоночников.

– Вот оно, перед вами. Хотите заглянуть? Видите? Там все наше тысячелетнее путешествие, весь наш полет – в одном месте: от пещерных людей через Египет, через Римскую империю – к пшеничному полю перед жатвой, к урожаю, собранному на кладбищах в Мексике смертью.

Смерч поднял широкую застекленную раму.

– Вниз по перилам, ребята! Катитесь вниз! Каждый – в свое время, в свой век, на свой этаж. Спрыгивайте там, где ваш костюм не в диковинку, соскакивайте там, где, по-вашему, ваш наряд и ваша маска – на своем месте! Пошел!

Мальчишки прыгнули. Они спрыгнули вниз, на верхнюю площадку лестницы. А потом один за другим вскочили боком на перила и понеслись, вопя во все горло, вниз, вниз, сквозь все этажи, все площадки, все века, заключенные в диковинном тереме Смерча.

По спирали и вниз, по спирали вниз, они летели, скользили, клонясь на виражах, балансируя на воощенных перилах.

Трррах-бух! Джи-Джи в своем обезьяночеловечьем костюме приземлился в подвале. Озираясь, увидел рисунки на стенах пещеры, густой дым над кострами, тени неуклюжих людей-горилл. Из темноты

сверкали, как уголья, глаза саблезубых тигров.

По спирали, словно в воронку, провалился Ральф, Мумия египетского мальчика, запеленутая на долгие века, и оказался на первом этаже, где по стенам стройными рядами вышагивали иероглифы, армия символов, летели эскадрильи древних птиц и шли стаи богов-зверей, а золотые скарабеи деловито катили свои навозные шары в глубь истории.

Плюх! Растрепан Нибли, у которого в руках все еще чудом оставалась сверкающая коса, едва не расшибся в лепешку на втором этаже, где тень Самайна, друидского бога мертвых, размахнулась косой на дальней стене зала!

У-ух! Джордж Смит – то ли греческий призрак, то ли римское привидение – спрыгнул на третьем этаже, прямо перед обмазанными смолой дверными проемами, которые были облеплены старыми бродячими душами, влипшими в смолу, как мухи!

Шлеп! Генри Хэнк, Ведьма, шлепнулся прямо в кучу ведьм на четвертом этаже – они скакали через костры в деревнях по всей Англии, Франции, Германии!

Уолли Бэбб, заправская Горгулья, с лёта грохнулся на шестом этаже, где прямо из стен росли локти, ноги и горбы, улыбались во весь рот настоящие, веселые и лукавые горгульи.

А Скелет, Том, последним соскользнул с перил на самой верхней площадке, не удержался на ногах и полетел, сбивая белые сахарные черепа, как кегли в мрачной игре, в окружении теней коленопреклоненных женщин возле могил, а джаз-оркестры из крохотных скелетиков вовсю наяживали комариные мелодии, не заглушая голос Смерча, который с высоты крыши прогремывал:

– Ну что, ребятки, поняли наконец? Все это одно и то же, дошло?

– Да... – слышался чей-то голос.

– Всегда одно и то же, только по-разному, да? В свой век, в свой час. Но всегда день уходил. Ночь всегда наступала. И вы всегда боялись – верно, Обезьяночеловек, верно, эй, Мумия, – что солнце больше никогда не взойдет?

– Да-а... – ответили несколько го-лосов.

И они взглянули наверх, сквозь этажи и лестничные площадки высокого дома, и увидели каждый век, каждую историю отдельно, и как люди всегда, с незапамятных времен, провожали глазами солнце, поворачивая головы следом, следя, как оно восходит и заходит. Пещерные люди дрожали. Египтяне стонали и плакали. Греки и римляне торжественно проносили своих усопших. Лето падало замертво. Зима хоронила его в

могиле. Мириады голосов рыдали. Ветер времени сотрясал громадный дом. Окна дребезжали и, точь-в-точь как человеческие глаза, наливались слезами. Но вдруг – крики восторга! – это десять тысяч раз по миллиону человек приветствовали яркие горячие летние солнца, которые вставали и пламенели огнем в каждом окне!

– Понимаете, ребятки? Призадумайтесь! Люди исчезали навсегда. Они умирали. О боже, умирали! Но возвращались в сновидениях. Эти сновидения называли привидениями, духами, и их боялись люди во все времена...

– А-хх! – крикнул миллионоголосый хор в подвалах, на башенках.

Тени всползали по стенам, похожие на старые фильмы, мелькающие на ветхом экране. Клубочки дыма маялись у дверей, глаза у них были грустные, печальные, а губы дрожали.

– Ночь и день. Лето и зима, ребятки. Время сева и время жатвы. Жизнь и смерть. Вот что такое Канун всех святых, все вместе. Все едино. Полдень и полночь. Рождаетесь на свет, ребятишки. Потом падаете кверху лапками, как собака, которой сказали: «Умри!» Потом вскакиваете, заливаются лаем, бежите сквозь тысячи лет, и каждый день – смерть, и каждый вечер – Канун всех святых, мальчики, каждый вечер, каждый божий вечер – грозный и ужасный, пока наконец вы не сумели попрятаться в городах и поселках, немного передохнуть, перевести дух. Потом каждый начинает жить дольше, времени становится побольше, умирают реже, страх можно собрать и отложить, и в конце концов отвести ему один-единственный день в году, когда вы можете призадуматься о ночи и утренней заре, о весне, об осени, о том, что значит родиться и что значит умереть. И все это накапливается, складывается. Четыре тысячи лет назад, одна тысяча или в нынешний год – там или тут, – но празднества все одинаковые...

– Праздник Самайна...

– Время мертвых...

– Всех душ... Всех святых.

– День мертвых.

– El Dia de Muerte.

– Канун Дня всех святых.

– Канун всех святых.

Неуверенные голоса мальчишек, посланные вверх, сквозь слои времени, из всех стран, из всех веков, перечисляли праздники, по сути дела одинаковые.

– Отлично, мальчики, отлично.

Где-то вдали городские башенные часы пробили три четверти

двенадцатого.

– Полночь близится, мальчики. Канун всех святых почти прошел.

– Нет, послушайте! – крикнул Том. – А как же Пифкин? Мы гонялись за ним по всем векам, хоронили его, выкапывали обратно, шли за его гробом, оплакивали на поминках. Так жив он или нет?

– Ага! – подхватили все. – Спасли мы его или нет?

– И правда – спасли или нет?..

Смерч вглядывался в даль. Мальчишки стали смотреть туда же, а там, за оврагом, стоял дом, в котором один за другим гасли огни.

– Это больница, где он лежит. Но вы сбегайте к нему домой. Постучите в последнюю дверь, крикните в последний раз: «Сласти или страсти-мордасти?» Это будет главный, последний вопрос. Ступайте, добейтесь ответа. Мистер Марлей, а ну-ка, проводите их – честью!

Входная дверь распахнулась – р-р-раз!

Марлей-молоток скривил свою перевязанную физиономию и засвистел им вслед на прощанье, а мальчишки съехали по перилам и наперегонки побежали к двери.

Но их остановил последний вопрос Смерча:

– Ребятки! Скажите, что это было? Нынешний вечер, со мной – сласти или страсти-мордасти?

Мальчишки набрали полную грудь воздуха, задержали, а потом выпалили единым духом:

– Ух ты, мистер Смерч, и то и другое!

Грюк! – стукнул Марлей-молоток.

Бряк! – хлопнула дверь.

И мальчишки припустились бегом, бегом, во всю прыть, вниз, через овраг, вверх по улицам, жарко дыша, роняя маски и наступая на них ногами, пока не добежали наконец до крыльца пифкинского дома и остановились, глядя то на больницу вдаль, то на входную дверь дома Пифкина.

– Ты, давай ты, Том, – сказал Ральф.

И Том потихоньку стал подходить к дому, поставил ногу на первую ступеньку крыльца, потом на вторую, дошел до двери – и никак не мог собраться с духом постучать, боялся услышать последние новости о добром старом Пифкине. Пифкин – умер? Пифкина будут хоронить насовсем? Пифкин – сам Пифкин умер навсегда? Нет!

Он постучал в дверь.

Мальчишки стояли и ждали на дорожке.

Дверь отворилась. Том вошел в дом. Минута тянулась долго-долго,

стая мальчишек стояла на улице, не мешая холодному ветру пробираться до костей, замораживать самые ужасающие мысли.

– Ну что там? – беззвучно кричали они перед закрытым домом, запертой дверью, перед темными окнами. – Ну что?

И вот дверь открылась, наконец-то Том вышел и остановился на крыльце, плохо соображая, где он и что с ним.

Потом поднял глаза и увидел друзей, которые ждали его – за миллион миль отсюда.

Том спрыгнул с крыльца, крича во все горло:

– Ура! Ура! Ура-а-а!

Он бежал по дорожке, крича:

– Все в порядке, он в порядке, он жив! Пифкин в больнице! Аппендикс себе вырезал. Сегодня, в девять вечера! Успел вовремя! Доктор говорит, что он молодчина!

– Пифкин?..

– В больнице?..

– Молодчина?..

Все охнули, будто кто дал им под ложечку. Потом задышали часто, шумно, это был дикий крик, нестройный вопль торжества.

– Пифкин, о Пифкин, Пиф!

Ребята стояли на пифкинском газоне, на дорожке перед пифкинским крыльцом, перед его домом и в немом изумлении переглядывались, улыбаясь все шире, а слезы набегали на глаза, и все вдруг заорали, а слезы, счастливые слезы заструились по щекам.

– Вот здорово, здорово, красота, ох как здорово! – приговаривал Том, еле живой, плача от радости.

– Можешь повторить, – сказал кто-то, и он повторил. И они все сгрудились в кучку и досыта наревелись на радостях.

Похоже, что ночь здорово отсырела от слез, и Том решил всех взбодрить.

– Вы взгляните на пифкинский дом! Стыд и позор? Слушайте, что надо делать!..

Они разбежались во все стороны, и каждый вернулся, прихватив с собой горящую тыкву, и все тыквы поставили рядом на перилах дома Пифкина, и тыквы улыбались до ушей самым беззастенчивым образом, поджидая возвращения Пифкина домой.

Мальчишки, стоя на газоне, любовались этими сияющими улыбками; костюмы на плечах, локтях и коленках у них были порваны в клочья, грим стекал со щек каплями и струйками, и громадная, чудесная, счастливая

усталость наваливалась на них, тяжелила веки, налиwała тяжестью руки и ноги, но уходить им не хотелось.

И башенные часы пробили полночь – буммм!

И снова, и снова – буммм? Буммм! – целых двенадцать раз.

И Канун всех святых кончился.

И по всему городу захлопали двери, стали гаснуть огни.

Мальчишки начали разбредаться, прощаясь: «Пока!», и «Привет!», и «Будь здоров!», и просто «Будь!», и доброй ночи, да, ночи. Газон опустел, но на крыльце Пифкина вовсю полыхали огоньки свечей, теплые огоньки, теплый дух печеной тыквы.

И Призрак, и Мумия, и Скелет, и Ведьма, и все остальные пришли домой, на свое крыльцо, и, стоя на пороге родного дома, каждый обернулся, и посмотрел на город, и вспомнил эту сказочную ночь – ночь, которую никто из них не забудет никогда в жизни, – каждый посмотрел на дома других через городские улицы, но все они особенно долго смотрели на высоченный дом за оврагом, где мистер Смерч все еще стоял на самом верху крыши, окруженной балюстрадой из острых прутьев.

Мальчишки помахали руками, каждый со своего крыльца.

Дым, тянувшийся вверх из высокой готической трубы дома Смерча, помахал им в ответ.

Все новые и новые двери захлопывались во всем городе, запирались на ночь.

И с каждым звуком хлопнутой двери гасла тыква на громадном Дереве всех святых – одна, другая, и еще, и еще одна... Дюжинами, сотнями, тысячами закрывались двери, гасли глаза тыкв, словно слепли, а над задутыми свечками курился ароматный дымок.

Ведьма постояла, вошла в дом, закрыла дверь.

Тыква с ведьминым лицом на Дереве погасла.

Мумия шагнула через порог и хлопнула дверью.

В тыкве с лицом мумии погас огонек.

Оставался только один, последний мальчишка во всем городе, один на своей веранде – Том Скелтон в своих костяных доспехах, ему смерть как не хотелось уходить в дом, а хотелось выжать последнюю, самую сладкую каплю радости из самого любимого праздника в году, и он отправил мысленное послание с ночным ветром к волшебному дому за оврагом:

– Мистер Смерч, а вы кто такой?

И мистер Смерч, стоя высоко на крыше дома, послал обратно мысленный ответ:

– Я думаю, ты знаешь, мальчуган, я думаю, ты знаешь.

– Мы еще встретимся, мистер Смерч?

– Через много-много лет – да, я приду за тобой.

И вот последняя мысль Тома:

– О, мистер Смерч, неужели мы никогда не перестанем бояться ночи, бояться смерти?

И мысленный ответ полетел к нему:

– Когда ты достигнешь звезд, мальчуган, да, и станешь жить там вечно, все страхи отпустят тебя и сама Смерть истребится.

Том прислушался, услышал и спокойно помахал на прощанье.

Мистер Смерч там, вдали, поднял руку.

Щелк. Дверь дома захлопнулась за Томом.

Его тыква-череп на великанском дереве чихнула дымком и погасла.

Ветер играл ветвями исполинского Дерева всех святых, на котором не осталось ни единого огонька, кроме одинокой тыквы на самой макушке.

Тыквы с глазами и лицом мистера Смерча.

На гребне крыши мистер Смерч наклонился, набрал полную грудь воздуха и – дунул.

Его свечка в его тыквенной голове затрепетала, угасла.

Но – чудо! – дым за клубился из его собственного рта, из ноздрей, из ушей, из глазниц, как будто его собственную душу задули, погасили в груди в тот самый миг, как душистая тыква испустила свой сладкий, теплый тыквенный дух.

Он провалился сквозь крышу своего дома. Крышка стеклянного люка закрылась за ним.

Откуда-то налетел ветер. Он раскачал все темные, курящиеся дымком тыквы на раскидистом, прекрасном Праздничном дереве. Ветер подхватил тысячи потемневших листьев и взметнул их в небо, погнал по земле навстречу солнцу, которое непременно взойдет.

Как и весь город, Дерево погасило последние тлеющие угольки улыбок и погрузилось в сон.

А в два часа, перед рассветом, ветер вернулся за оставшимися листьями.

Примечания

1

В английском языке «смерть» – мужского рода.

Произведение Чарлза Диккенса.